

НА СТРАЖЕ

2024
№ 4 (8)

ЗАКОНА

Научный журнал «На страже закона». Научный журнал учрежден федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Зарегистрирован в качестве средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 21 марта 2023 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-84871

Редакционный совет:

Председатель редакционного совета

Стельмах В.Ю., д.ю.н., доцент

Члены редакционного совета:

Давлетов А.А., д.ю.н., профессор;

Балакшин В.С., д.ю.н., профессор;

Сабанин С.Н., д.ю.н., профессор;

Спирин А.В., к.ю.н., доцент

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гусев А.В., к.ю.н., доцент

Заместитель главного редактора

Маслов В.А., к.ю.н., доцент

Члены редакционной коллегии:

Аюпова Г.Ш., к.ю.н., доцент;

Веденин Д.В., к.ю.н.;

Виноградова О.П., к.ю.н., доцент;

Голубых Н.В., к.ю.н., доцент;

Дерюгин Р.А., к.ю.н., доцент;

Расулова Н.С., к.ю.н.;

Титов П.М., к.ю.н.;

Чернышев Д.Б., к.ю.н.;

Щетинина Н.В., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь *Кудоярова Г.Р.*

Редактор *Бebих И.Б.*

Переводчик *Гузикова В.В.*

Федеральный научный журнал «На страже закона» является рецензируемым периодическим научным печатным изданием, предназначенным для опубликования результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), материалов научно-представительских мероприятий, рецензий на научные издания, информации о научных школах.

Издатель журнала – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Журнал выходит с 2023 года и издается ежеквартально.

Журнал не предназначен для опубликования материалов, содержащих сведения, составляющие государственную, иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования.

Адрес редакции / издательства / типографии:

620057, Свердловская обл., Екатеринбург,

ул. Корепина, 66. Тел./факс: (343) 331-70-64

Эл. почта: ural-yui@mvd.ru

Сайт: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2949-2696

Подписано в печать 27.12.2024. Формат 60x84/8

Печать офсетная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 30 экз. Заказ № 80

Дата выхода в свет 28.12.2024. Свободная цена

© Уральский юридический институт МВД России, 2024

ENFORCEMENT

The Scientific Journal «Law enforcement». The founder and publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation». Registered in mass media by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, registration date: March 21, 2023, registration number: PI FS77-84871

Editorial Council:**Chairperson of the Editorial Council**

Stelmakh V.Yu., dr. of law, associate professor

Members of the Editorial Council:

Balakshin V.S., dr. of law, professor;

Davletov A.A., dr. of law, professor;

Sabanin S.N., dr. of law, professor;

Spirin A.V., cand. of law, associate professor

Editorial Board:**Chief Editor**

Gusev A.V., cand. of law, associate professor

Chief Editor Deputy

Maslov V.A., cand. of law, associate professor

Members of the Editorial Board:

Ayupova G.SH., cand. of law, associate professor;

Vedenin D.V., cand. of law;

Vinogradova O.P., cand. of law, associate professor;

Golubykh N.V., cand. of law, associate professor;

Deryugin R.A., cand. of law, associate professor;

Rasulova N.S., cand. of law;

Titov P.M., cand. of law;

Chernyshev D.B., cand. of law;

Schetinina N.V., cand. of law, associate professor

Executive Secretary *Kudoyarova G.R.*

Editor *Bebikh I.B.*

Translator *Guzikova V.V.*

The Federal Scientific Journal «Law enforcement» is a peer-reviewed periodic scientific publication intended to publish the results of fundamental and applied scientific researches by specialty 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences), materials of scientific and representative activities, reviews of scientific publications, information about scientific schools.

The publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia».

The journal is published since 2023 and is published quarterly.

The journal is not intended to publish materials containing information constituting a state secret or another secret protected by law, information intended for service use.

Address of the editorial office / publishing house / printing house: 620057, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, ul. Korepina, 66.
Tel./Fax: (343) 331-70-64;
E-mail: ural-yui@mvd.ru
Website: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2949-2696

Signed in the press on December 27, 2024.

Format 60x84 / 8 Offset printing. Office paper.

Usl. Printer. L. 8.0. Uch.-ed. L. 8.0 Edition 30 copies.

Order No. 80. Date of publication on

December 28, 2024. Free price

© The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ

<i>Бугера М.А.</i> Мобильные средства связи как предмет преступного посягательства	5
<i>Дронова О.Б.</i> Криминалистические аспекты противодействия преступности в цифровом обществе: современные проблемы и перспективы развития	11

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК

<i>Афанасьев А.Ю.</i> Методологизм как средство вскрытия механизма доказывания преступной деятельности	17

ТЕОРИЯ КРИМИНОЛОГИИ И ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И ЕЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ

<i>Тепляшин П.В.</i> Административный надзор как субинститут криминологического права	22
<i>Литвин И.И., Савраскин С.Н.</i> К вопросу о профилактической работе участкового уполномоченного полиции с лицами, болеющими алкоголизмом	31
<i>Макарова Ю.А.</i> Административное выдворение за пределы Российской Федерации как эффективная мера предупреждения миграционной преступности	37

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

<i>Макеева И.С., Назарова В.А.</i> Определение терминов «нацизм», «фашизм» и «реабилитация» применительно к статье 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации	42
<i>Пушкарев А.Л.</i> Проблемы унификации терминологического аппарата уголовного закона в сфере оборота оружия, имеющего культурную ценность	49

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

<i>Сокуренок Е.А.</i> Особенности взаимодействия следователя и органа дознания при расследовании преступлений	54

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «На страже закона» ссылка на журнал обязательна.

CONTENTS

THEORY OF CRIMINAL LAW AND THE PROBLEMS OF MODERN CRIMINAL LAW

- Bugera M.A.* Mobile communication equipment as a subject of criminal assault 5
- Dronova O.B.* Forensic aspects of combating crime in a digital society: modern problems and development prospects 11

THEORY AND METHODOLOGY OF CRIMINAL LAW SCIENCES

- Afanasyev A.Yu.* Methodology as a means of revealing the mechanism of proving criminal activity 17

THEORY OF CRIMINOLOGY AND PROBLEMS OF THE FUNCTIONING OF THE CRIME PREVENTION SYSTEM AND ITS TYPES

- Teplyashin P.V.* Administrative Supervision as a Sub-Institution of Criminological Law 22
- Litvin I.I., Savraskin S.N.* On the issue of preventive work of the district police officer with persons suffering from alcoholism 31
- Makarova Yu.A.* Administrative expulsion from the Russian Federation as an effective measure to prevent migration crime 37

THEORY OF CRIMINAL LAW AND THE PROBLEMS OF MODERN CRIMINAL LAW

- Makeeva I.S., Nazarova V.A.* Definition of the terms «Nazism», «fascism», and «rehabilitation» in relation to Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation 42
- Pushkarev A.L.* Problems of unification of the terminological apparatus of criminal law in the sphere of circulation of weapons of cultural value 49

CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINAL TRIAL

- Sokurenko E.A.* Features of interaction between the investigator and the body of inquiry in the investigation of crimes 54

When reprinting or reproducing in any way, in whole or in part, materials of the journal «Law enforcement» reference to the journal is obligatory.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 343.98

Мобильные средства связи как предмет преступного посягательства

Бугера Михаил Александрович
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, ma.bugera@mail.ru

Аннотация. Современный период развития человечества характеризуется значительными преобразованиями всех сфер жизни. Особое место в этом занимает развитие технологий, где создание и повсеместное практическое применение находят мобильные средства связи, прежде всего, подвижная радиотелефонная сотовая связь. Сегодня это не только сотовые телефоны, но и иные портативные устройства, выполняющие аналогичные функции получения и передачи, обработки и хранения информации, широко распространенные и пользующиеся большим потребительским спросом в России и во всем мире. В настоящей статье раскрыто содержание такого элемента криминалистической характеристики преступлений, как предмет преступного посягательства, в качестве которого выступают мобильные средства связи.

Ключевые слова: мобильные средства связи, сотовый телефон, портативное электронное устройство, предмет преступного посягательства, элемент криминалистической характеристики

Для цитирования: Бугера М. А. Мобильные средства связи как предмет преступного посягательства // На страже закона. 2024. № 4. С. 5–10.

Original article

Mobile communication equipment as a subject of criminal assault

Bugera Mikhail A.
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia,
ma.bugera@mail.ru

© Бугера М.А., 2024

Abstract. The modern period of human development is characterized by significant transformations in all spheres of life. A special place in this is occupied by the development of technologies, where the creation and widespread practical application are mobile means of communication, primarily mobile radiotelephone cellular communications. Today, these are not only cell phones, but also other portable devices that perform similar functions of receiving and transmitting, processing and storing information, which are widespread and in great consumer demand in Russia and around the world. This article reveals the content of such an element of the criminalistic characteristics of crimes as the subject of criminal encroachment, which is mobile communications.

Keywords: mobile communications, cell phone, portable electronic device, object of criminal encroachment, element of forensic characteristics

For citation: Bugera M. A. Mobile communication equipment as a subject of criminal assault // Law Enforcement. 2024. № 4. Pp. 5–10.

В одном из своих недавних выступлений, посвященных развитию современных технологий в России и мире, Президент Российской Федерации В. В. Путин сказал: «Каменный век закончился не потому, что закончились камни, а потому, что изменились технологии»¹. Столь удачное выражение, безусловно, отражает развитие и той сферы общественных отношений, которая связана с возможностью получения и передачи информации практически из любой точки мира и в любой момент, в том числе и посредством использования мобильных средств связи. К их числу в самом упрощенном виде в настоящее время относятся технические и программные средства, обеспечивающие телефонные соединения между абонентами сетей сотовой связи и других сетей связи путем использования подвижных радиотелефонных средств, а также иные услуги для функционирования сотовой связи.

Сотовый телефон как наиболее часто используемое мобильное средство связи сегодня является самым высокотехнологичным устройством, имеющимся в свободном доступе. Именно по этой причине для понимания специфики противодействия хищениям мобильных средств связи необходимо изначально рассмотреть историю развития такой техники, которая фактически и выступает основным предметом преступных посягательств рассматриваемого вида.

Очевидно, что в конце XX – начале XXI вв. мир вступил в бурную и насыщенную важными событиями фазу масштабных политических и

экономических перемен, внешне сопровождающихся стабилизацией, оживлением экономики, усилением роли государства в различных сферах общественной жизни. Россия в период потрясений с некоторым запозданием воспринимала и внедряла важные для данной эпохи новые достижения и формы организации науки и техники, в том числе и системы мобильной связи, которые уже давно применялись в развитых странах Европы [1].

В современных условиях влияние мобильных технологий и сотовой связи невозможно недооценить. Огромное количество людей имеют мобильный телефон (смартфон) и пользуются им ежедневно. Но сотовая связь в привычном представлении появилась не сразу, а прошла долгий путь развития, постепенно видоизменяясь.

В России же начало массовой телефонизации средствами сотовой связи пришлось на 90-е гг. прошлого столетия. Так, датой начала использования в нашей стране в гражданских целях мобильной сотовой связи принято считать 9 сентября 1991 г. Именно в этот день в Санкт-Петербурге был совершен первый в истории нашей страны звонок по мобильному телефону. Мэру города Анатолию Собчаку удалось связаться с коллегой из американского Сиэтла Норманом Райсом. Звонок был сделан через трехкилограммовый телефон Nokia Mobira MD59-NB2, работавший по стандарту NMT-450².

В настоящее же время наличием мобильного телефона никого не удивить. Современные мобильные устройства настолько прочно вош-

¹ Путин призвал совершить рывок в развитии цифровой экономики // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20170705/1497892989.html> (дата обращения: 28.03.2022).

² История сотовой связи в России: от трехкилограммовой Nokia до LTE. URL: <https://4pda.to/2016/09/04/321804/> (дата обращения: 02.02.2023).

ли в нашу жизнь, что представить ее без них уже невозможно. Отказаться от сотовой связи нельзя и по социальным причинам: человек, отказавшийся от благ XX в., в той или иной мере становится изгоем общества.

Для понимания этой ситуации подробнее рассмотрим эволюцию системы мобильной сотовой связи в современной России, фактически прошедшую пять этапов, которые принято называть «поколениями G» в силу того, что именно символ «G» означает «generation», т. е. «поколение» [2].

Как итог, если 30 лет назад по мобильному сотовому телефону можно было только звонить, а стоимость минута была равна примерно доллару, то сейчас мобильный – это окно в мир, предоставляющее доступ к мультимедийным сервисам: многопользовательские игры, социальные сети, видеозвонки и конференции, различные онлайн-приложения, интернет-банкинг, позиционирование на местности и многое другое.

В связи с широким распространением сотовые телефоны стали очень привлекательны для преступников, прекрасно понимающих, что такие устройства не только легко украсть, но и легко продать, так как они всегда пользуются спросом и часто имеют достаточно высокую стоимость. Кроме того, похищенные не для целей последующего сбыта или личного использования сотовые телефоны активно применяются при совершении других преступлений. В их числе не только различные виды мошеннических действий, сбыт наркотических средств, психотропных веществ и иных запрещенных к свободному обороту предметов и веществ, но и многочисленные сообщения о минировании школ, торгово-развлекательных центров, административных учреждений органов государственной власти, а также распространение экстремистских материалов и т. д.

Обратим внимание на те ключевые термины, которые связаны с предметом настоящего исследования. К сожалению, сегодня в законодательстве расширительное толкование такого понятия, как «мобильное средство связи», используемого в названии и тексте настоящей работы, отсутствует. Аналогичная ситуация характерна и для терминов «средство сотовой связи», «сотовый телефон», «мобильная связь», «система мобильной связи». В связи с этим сначала обратимся к техническому аспекту рассматриваемого вопроса.

Мобильная связь в целом – это радиосвязь между абонентами, местоположение одного или нескольких из которых меняется. В общем

виде любые системы мобильной связи (далее – «СМС») включают передающие и принимающие устройства, системы и каналы связи. СМС осуществляют передачу информации между пунктами, один или оба из которых являются подвижными. Соответственно, характерным и по факту основным признаком систем мобильной связи является применение радиоканала.

В зависимости от назначения системы, объема предоставляемых услуг и размеров зоны обслуживания можно выделить следующие виды систем мобильной связи:

- 1) системы персонального радиовызова;
- 2) системы бесшнуровой телефонии;
- 3) транкинговые системы;
- 4) системы сотовой мобильной связи;
- 5) системы персональной спутниковой связи;
- б) системы беспроводного доступа к локальным вычислительным сетям.

Мобильным телефоном в настоящее время может выступать не только портативное средство сети сотовой связи, но и аналогичные устройства транкинговой и спутниковой связи. Таким образом, понятие «мобильный телефон» не конкретизирует способ связи абонента с базовой станцией и стандарт предоставляемых услуг связи. Исходя из этого, под анализируемое понятие подпадают, не только спутниковые и транкинговые телефоны, но в том числе и используемые в бытовых условиях телефонные станции DECT, состоящие из базовой станции и беспроводной трубки, но не образующие единую абонентскую сеть различных пользователей.

Необходимо также отметить, что в качестве мобильного средства связи в настоящее время могут использоваться не только перечисленные выше виды телефонов, но и такие портативные устройства, электронные гаджеты, как планшетный компьютер, ноутбук, смарт-часы и т. п.

Кроме соответствующего программного обеспечения, позволяющего открыть авторизованный доступ к сети оператора подвижной радиотелефонной сети с целью передачи или приема знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода, оконечное пользовательское устройство должно иметь возможность свободно перемещаться в пространстве и иметь независимый источник питания.

Однако это не полный перечень требований, предъявляемых к мобильному устройству. Существуют также требования, четко

установленные нормативными правовыми актами, в числе которых базовым является Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи». Согласно его положениям любое пользовательское оборудование (оконечное оборудование), представляющее собой техническое средство для передачи и (или) приема сигналов электросвязи по линиям связи, должно быть не только подключено к абонентским линиям и находиться в пользовании абонентов или быть предназначено для таких целей, но и иметь идентификационный номер.

В последних моделях рассматриваемых пользовательских устройств возможно также наличие 16 цифр, именуемых IMEISV, где две последние цифры – это версия программного обеспечения мобильного устройства.

IMEI присваивается уполномоченными организациями, в частности BABT British Approvals Board for Telecommunications, служит для идентификации устройства в сети и хранится в прошивке аппарата. Как правило, IMEI указывается в четырех местах:

- в самом аппарате (в большинстве случаев его можно вывести на экран набором на клавиатуре последовательности символов – *#06#);
- под аккумуляторной батареей;
- на упаковке;
- в гарантийном талоне.

IMEI играет роль серийного номера аппарата и передается в эфир при авторизации устройства в сети мобильной связи.

В контексте исследуемой проблемы необходимо отметить важность IMEI для осуществления всего комплекса оперативно-розыскных (оперативно-технических) мероприятий. По этому номеру также возможна блокировка аппаратно-программным способом конкретного пользовательского устройства оператором мобильной связи на центральной станции.

Анализируя вопрос идентификации конкретного мобильного телефона как пользовательского оборудования (оконечного оборудования) мобильной связи, необходимо обратить внимание, что на старых моделях сотовых телефонов, поддерживавших только стандарт «Поколение 1G», и отдельных моделях телефонов спутниковой и транкинговой связи для подключения к сети не требовалось наличие дополнительного модуля для идентификации. В настоящее же время для подключения любого современного сотового телефона к абонентской линии без использования возможностей технологии современных беспроводных сетей Wi-Fi [3] необходимо наличие дополнительного модуля, так называемой сим-карты – Subscriber

Identity Module – стандартного модуля подлинности абонента, который содержит:

- международный идентификационный номер абонента (IMSI – International Mobile Subscriber Identity) или, как его называют специалисты, MSISDN (Mobile subscriber ISDN) – тот самый номер, который набирают, когда хотят позвонить абоненту сотовой связи;
- индивидуальный ключ аутентификации пользователя (Ki – Key Identification);
- алгоритм аутентификации (A3).

Сим-карта является по своей сути смарт-картой стандарта ISO 7816 и не особенно отличается от других контактных чиповых карт, например, банковских или таксофонных. Первые «симки» имели размер, о котором сегодня напоминают только стартовые пакеты операторов связи. Миниатюризация сотовых телефонов очень быстро привела к тому, что полно-размерные карты (1FF) перестали помещаться внутрь новых моделей, поэтому создали легко выламывающийся модуль mini-SIM (2FF), позже micro-SIM (3FF), а затем и nano-SIM (4FF), содержащий чип и контактные площадки. При этом форма и расположение контактных площадок, а также принципы работы встроенных чипов остаются неизменными вот уже почти 25 лет, а большие пластиковые «болванки» до сих пор выпускаются для того, чтобы услугами мог воспользоваться абонент даже с очень старым телефоном. Это стандарт.

Однако в силу экономической выгоды специально сделано так, что практически все старые сотовые телефоны, 15–20-летней давности, не смогут прочитать современную «симку», даже если она будет полноразмерной. Дело в том, что ранее повсеместно для питания процессора сим-карты использовалось напряжение 5 вольт, а теперь 3 вольта. Соответственно, в старом 5-вольтовом сотовом телефоне у сим-карты просто сработает защита питания, а процессор не станет функционировать.

В постоянную память сим-карты уже на этапе производства записываются IMSI под конкретного оператора, заказывающего модуль, а также 128-битный ключ Ki. Проще говоря, это логин и пароль абонента, намертво зашитые в сим-карте. Там же может находиться различная информация, например, записная книжка с контактами пользователя и т. д.

IMSI учетной записи определенного абонента с его телефонным номером хранятся в базе данных оператора, в регистре, именуемом HLR (Home Location Register – база информации об абоненте и его текущем местонахождении). Эти данные копируются во временную

базу данных VLR (Visitor Location Register – база посещающих абонентов) в каждом конкретном сегменте сети, где в определенный момент времени находится абонент.

Вышеизложенное позволяет сделать определенные выводы.

Тенденции развития современных цифровых информационных технологий и их практическое воплощение посредством применения мобильных средств связи (коммуникации) во всех сферах жизни общества обуславливают необходимость рассмотрения пользовательского оборудования (оконечного оборудования), представляющего собой техническое средство и соответствующее ему программное обеспечение для передачи и (или) приема сигналов электросвязи по линиям связи, с позиции возможного их отнесения к предмету преступного посягательства. При этом для признания того или иного мобильного средства связи предметом преступного посягательства при хищении необходимо четко понимать, что к числу таковых может быть отнесено только чужое имущество или право на имущество, или действия имущественного характера.

Под чужим имуществом в контексте рассматриваемого вида хищений следует понимать любое пользовательское оборудование мобильной связи (сотовый, тракинговый или спутниковый телефон, ноутбук или планшетный компьютер и т. д.) независимо от того, какое отношение имеет к нему потерпевший. Такое оборудование может как принадлежать потерпевшему на правах собственности, с правом владения, пользования и распоряжения, так и быть предоставлено ему только для владения и пользования в силу, например, исполнения служебных обязанностей. Важно исключительно то, что оно является именно «чужим» для лица, незаконно его изымающего из чьего-либо владения, то есть лицо не должно иметь на это мобильное средство связи никакого ни действительного, ни предполагаемого права собственности. Фактически имущество, которое всегда имеет определенную натуральную (физическую) субстанцию, выступает в качестве конкретного предмета материального мира, обладающего стоимостью или всеобщим эквивалентом стоимости (деньги).

В связи с изложенным мы разделяем точку зрения А. П. Светловой: «Право на имущество нельзя в полной мере назвать разновидностью или формой имущества. Это категория сугубо юридическая, содержанием которой является правомочие собственника или уполномоченных им лиц владеть, пользоваться или распо-

ряжаться предметами материального мира в виде товарно-денежных ценностей. Право на имущество хотя и закрепляется в документах, но от этого не становится само по себе категорией предметно-натуральной» [4].

Соответственно, для эффективного противодействия различным формам хищений мобильных средств связи необходимо четкое понимание сотрудниками правоохранительных органов не только основных характеристик и принципов функционирования всех компонентов различных систем мобильных средств абонентской связи, доступной широкому кругу гражданских пользователей, но и неотъемлемо существующих у таких устройств идентифицирующих признаков, равно как и четких критериев законности их владения, пользования и распоряжения. Это позволит с высокой степенью достоверности выявить закономерности образования следовой информации в случае хищения мобильных средств связи, что будет способствовать поисково-познавательной деятельности в процессе не только выявления, пресечения и раскрытия таких деяний, но и их предупреждения.

Библиографический список

1. Чубарин А. Н. Аспекты долгосрочного прогнозирования, их междисциплинарная взаимосвязь и взаимообусловленность // Экономический анализ: теория и практика. 2007. № 14. С. 32.
2. Черкасова Н. В., Соколов С. С. Обзор поколений сотовой связи и защита информации для современных мобильных устройств с помощью приборов – подавителей сигнала // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2016. № 2-1 (61). С. 202–205.
3. Смирнова Е. В., Пролетарский А. В. [и др.]. Технологии современных беспроводных сетей Wi-Fi: учебное пособие / под общ. ред. А. В. Пролетарского. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2017. 446 с.
4. Светлова А. П. Уголовно-правовая характеристика вымогательства и ее значение для криминалистической характеристики данной категории преступлений // Роль инноваций в трансформации современной науки: сборник статей Международ. науч.-практ. конф.: в 4 ч. Волгоград: Аэтерна, 2016. Т. 3. С. 58–64.

References

1. Chubarin A. N. Aspects of long-term forecasting, their interdisciplinary relationship and interdependence // Economic analysis: theory and practice. 2007. No. 14. P. 32.

2. Cherkasova N. V., Sokolov S. S. Review of generations of cellular communications and information protection for modern mobile devices using devices – signal jammers // New Science: Problems and Prospects. 2016. No. 2-1 (61). Pp. 202–205.

3. Smirnova E. V., Proletarsky A. V. [et al.]. Technologies of modern wireless Wi-Fi networks: textbook / under the gen. ed. of A. V. Proletarsky. M.: Publishing house of Bauman Moscow State Technical University, 2017. 446 p.

4. Svetlova A. P. Criminal-legal characteristics of extortion and its significance for the forensic characteristics of this category of crimes // The role of innovations in the transformation of modern science: collection of articles. int. scientific-practical. conf.: at 4 part. Volgograd: Aeterna, 2016. Vol. 3. Pp. 58–64. December 5, 2016.

Информация об авторе

Бугера Михаил Александрович – доктор юридических наук, доцент

Information about the author

Bugera Mikhail A. – Doctor of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 23.08.2024;
одобрена после рецензирования 12.09.2024;
принята к публикации 20.12.2024

The article was submitted 23.08.2024;
approved after reviewing 12.09.2024; accepted
for publication 20.12.2024

Научная статья

УДК 343.98

Криминалистические аспекты противодействия преступности в цифровом обществе: современные проблемы и перспективы развития

Дронова Ольга Борисовна

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, nio-va@rambler.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-4604-1644>

Аннотация. В статье рассмотрены современные угрозы различным сферам общественных отношений вследствие применения в преступных целях технологий дипфейка. С учетом современных методов и средств, обеспечивающих выявление фактов применения искусственного интеллекта для генерации аудиовизуального контента, представлены перспективные направления криминалистического обеспечения противодействия преступлениям, совершенным с использованием современных цифровых технологий.

Ключевые слова: технологии дипфейка, искусственный интеллект, генеративные фейки, признаки внутрикадрового монтажа, аудиовизуальные изображения, система мониторинга

Для цитирования: Дронова О. Б. Криминалистические аспекты противодействия преступности в цифровом обществе: современные проблемы и перспективы развития // На страже закона. 2024. № 4. С. 11–16.

Original article

Forensic aspects of combating crime in a digital society: modern problems and development prospects

Dronova Olga B.

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia,

nio-va@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4604-1644>

Abstract. The article considers modern threats to various spheres of public relations due to the use of Deepfake technologies for criminal purposes. Taking into account modern methods and tools that ensure the identification of the facts of the use of artificial intelligence to generate audiovisual content, promising areas of forensic support for countering crimes committed using modern digital technologies are presented.

Keywords: Deepfake technologies, artificial intelligence, generative fakes, signs of in-frame editing, audiovisual images, monitoring system

© Дронова О.Б., 2024

For citation: Dronova O. B. Forensic aspects of combating crime in a digital society: modern problems and development prospects // Law Enforcement. 2024. № 4. Pp. 11–16.

Внедрение информационных технологий в повседневную жизнь общества неизбежно привело к существенной трансформации архитектуры преступного мира, что обусловило внедрение в механизм совершения преступлений современных высокотехнологичных способов и программно-аппаратных средств.

Учитывая тот факт, что криминалистическая деятельность представляет собой своеобразный процесс, субъекты которого должны учитывать цифровую трансформацию преступности и приспособить к ней технический инструментарий, тактический и методический арсенал правоохранительных органов, следует констатировать глобальное изменение концепции противодействия преступлениям.

Реалиями настоящего времени являются применяемые преступным сообществом технологии искусственного интеллекта в процессе совершения преступлений с использованием цифрового пространства.

В течение последнего десятилетия отмечаются тенденции совершенствования программно-аппаратного инструментария, используемого в качестве средств совершения преступлений. Это может быть и замена отдельных деталей и элементов на статичных кадрах, и трансформация видеоконтента, предусматривающие использование возможностей искусственного интеллекта, обеспечивающего генерацию компиляционного аудиовизуально-го изображения людей, событий, явлений.

Данная технология, получившая название дипфейк¹, появилась в конце XX века и изначально разрабатывалась в качестве инструмента для создания спецэффектов в киноиндустрии. Впоследствии данный инструментарий был доработан, и в настоящее время он широко представлен на легальных рынках программных продуктов. Осуществление запросов в поисковых системах позволяет получить доступ к десяткам бесплатных приложений, обеспечивающих быструю генерацию необходимых кадров. В зависимости от функционального обеспечения примененных программ, навыков оператора и сложности решаемой задачи изображения, предназначенные для интеграции в существующий видеоряд подлинной записи,

¹ Дипфейк (deepfake, от deep learning – «глубокое обучение» и fake – «подделка») – синтез сложно отличимых от оригинала поддельных изображений, видео и звука при помощи искусственного интеллекта (Глоссарий Энциклопедии Касперского).

могут быть синтезированы достаточно быстро.

Сложная форма синтетического медиаконтента, получаемого с использованием функциональных возможностей искусственного интеллекта, вызывает серьезные опасения, связанные с угрозами национальной безопасности в целом, а также с нарушениями отдельных сфер жизни общества и конкретных лиц. В настоящее время отмечается существенное увеличение случаев криминального использования рассматриваемых технологий в целях:

- дискредитации различных категорий граждан вне зависимости от их половозрастной, социальной, профессиональной принадлежности;
- распространения через средства массовой информации недостоверного контента, негативно воздействующего на социальное состояние общества;
- фальсификации доказательственной информации, представляющей собой разновидность интеллектуального подлога;
- осуществления мошеннических действий с использованием сгенерированных аудиовизуальных изображений, передающихся посредством социальных сетей и мессенджеров;
- получения личных сведений о человеке посредством оказания сгенерированным клоном воздействия на людей из числа близкого круга общения с объектом преступного интереса;
- преодоление аутентификации информационных систем путем предъявления заимствованных изображений и голосовых сообщений и т. д.

В процессе работы специализированных программ осуществляется замена изображения лица одного человека на лицо другого человека, при этом трансформация предусматривает не только замещение признаков внешности, но и копирование оригинальной мимики субъекта, внешний облик которого накладывается на «чужую оболочку», и добавление к этому аудиоряда дублирующего фонетический слог речи.

С целью создания акустического сопровождения сгенерированного изображения мошенники формируют виртуальные банки данных голосовых записей, собираемые в процессе телефонных звонков так называемым целевым абонентам. Основной задачей таких действий является создание библиотек фонограмм речи и голоса широкой аудитории лиц,

что позволит в дальнейшем обучать нейросеть и генерировать аудиосообщения для родственников (друзей, сослуживцев) – потенциальных потерпевших от преступного посягательства.

Особую проблему в настоящий момент представляют возможности генерации изображений несуществующих в реальном мире людей посредством использования указанных технологий. В процессе разработки таких цифровых аватаров с учетом запроса создателя программа сама анализирует изображения реальных лиц из социальных сетей, мессенджеров, а также иных источников, компилирует внешность нового объекта и формирует головые сообщения.

В данном случае применение подобного весьма реалистичного изображения в процессе совершения преступления делает бессмысленным использование сотрудниками правоохранительных органов данных о признаках внешности запечатленного на записи субъекта, изучение особенностей лингвистических и акустических параметров голосовых сообщений, зафиксированных на цифровых носителях. Для поиска преступника необходимо применять технологии детекции с использованием модулей визуализации, оперировать цифровыми данными в целях установления возможных прототипов дипфейковой личности и ее создателей.

В этой связи следует отметить, что стремительное развитие технологий дипфейка обусловили трансформацию технических подходов к противодействию фальшивому контенту. Рассматривая методы и средства, обеспечивающие выявление генеративных изображений, можно констатировать, что контрразработчиками программного обеспечения предлагались инструменты проверки и оценки достоверности проверяемого материала, которые основывались на обнаружении аномалий кадра, анализе временной последовательности действий запечатленного субъекта, биометрическом и поведенческом анализе выражений лица, модели моргания, движения губ, распознавание первичного образа и т. д.

Изучение тенденций становления инструментария противодействия результатам преступного применения технологий дипфейка последних четырех лет позволяет говорить об их поступательном совершенствовании по мере развития генеративных сетей, используемых в качестве средств совершения преступлений. Однако следует констатировать, что опережающих технологий оперативного распознавания сгенерированных аудиовизу-

альных продуктов в настоящий момент нет. В ряде зарубежных исследований предлагается в упреждающем порядке введение технологий FaceSigns, обеспечивающих посредством использования «техники водяных знаков» аутентификацию медиаконтента. Согласно данным разработчиков превентивных программных продуктов пользователь имеет возможность проверить наличие «скрытой метки» встроенной в пиксели изображения. Иными словами предлагается заменить действия по поиску визуальных артефактов подмены изображения конкретного лица цифровым аватаром на простую проверку наличия скрытого буквенно-цифрового символа, подтверждающего или опровергающего факт наличия изменений первичного контента [1].

Во многом увеличение количества случаев криминального использования технологий дипфейка обусловлено доступностью программно-аппаратных средств, предназначенных для их создания. Посредством использования современной персональной цифровой техники можно беспрепятственно скачать на устройство специализированные программы (Zao, DeepFaceLab, Deepfakes), манипуляционные платформы (FaceFusion) и иные онлайн сервисы («FaceSwar», «Neuman», «Deepfakesweb»), функциональные приложения, боты, формирующие генеративные изображения.

Таким образом, отсутствие запрета на распространение и использование рассматриваемого инструментария, который создавался для обеспечения потребностей индустрии развлечений, косвенно повлияло на тот факт, что он был взят на вооружение криминальным сообществом. В России лишь в текущем году начато рассмотрение вопроса о законодательном запрете несанкционированного использования голоса и изображений человека в целях мошенничества. Нами поддерживается позиция ряда авторов, предусматривающая введение правового регулирования распространения и использования генеративного контента как отдельного правового института, имеющего самостоятельный предмет, сферу распространения и методы правового регулирования [2, с. 45].

Изучение подходов к противодействию использованию дипфейков в криминальных целях, нашедших отражение в ряде положений законодательств зарубежных стран, регламентирующих сферу использования искусственного интеллекта, позволил выделить дифференциацию степени возможных угроз: минимальный риск, ограниченная угроза, по-

вышенный риск и невозполнимый вред. С учетом уровня социальной опасности деяния предусмотрено применение определенных протоколов противодействия, начиная с мер социального воздействия на определенные слои общества и заканчивая масштабными тактическими операциями по пресечению деятельности организованных преступных групп [3; 4].

Применение технологий дипфейка в качестве средств совершения преступлений находятся в определенной зависимости от уровня доступности указанных инструментов населению, охвата цифровизацией финансовой, медицинской, социальной и иных сфер общественных отношений и иных факторов. Стремительное совершенствование возможностей, формируемых генеративными сетями, существенно упростило требования к уровню подготовки пользователя, а также требования к системе, на которой устанавливается оболочка программ, применяемых в том числе и для совершения преступлений.

Изучение данных за 2023 г., размещенных на платформе Statista, позволяет констатировать глобальный рост мошенничеств, связанных с использованием технологий дипфейка, которые совершаются во всем мире вне зависимости от социально-экономического развития, политического режима и иных различий государств¹.

Специалисты в сфере цифровой безопасности дают неблагоприятные прогнозы на дальнейшее состояние дел в рассматриваемой сфере и прогнозируют расширение видового разнообразия мошеннических схем с личными данными, а также увеличение на 3000 % количества цифровых атак². Следует согласиться с мнением многих специалистов, которые говорят, что в большинстве случаев результаты применения дипфейков весьма реалистичны, поскольку инструменты искусственного интеллекта были обучены на десятках тысяч изображений реальных людей [5, с. 32].

¹ «Statista» – международная глобальная информационная интернет-платформа с обширной базой статистических данных, отчетов и аналитических сведений. URL: <https://www.statista.com/aboutus/> (дата обращения: 02.12.2024).

² Отчет о мошенничестве с личными данными, 2024 г. // Интернет-сайт «Onfi do». URL: <https://onfi.do.com/landing/identity-fraud-report/> (дата обращения: 07.05.2024); 5 Дипфейк // Официальный сайт Большой российской энциклопедии. URL: <http://bigenc.ru/c/dipfeik-f9f89b> (дата обращения: 03.12.2024).

Данный факт предусматривает необходимость адекватного ответа со стороны правоохранительных органов в виде разработки, апробации и внедрения в работу специальных средств, позволяющих осуществлять мониторинг информации в социальных сетях и иных местах потенциальной трансляции фейковых видеоизображений, а также технико-криминалистических средств, обеспечивающих производство судебно-экспертных исследований.

Внедрение специального программного обеспечения в деятельность правоохранительных органов началось с 2019 г. В число основных функциональных задач применяемых программ входило выделение из общего информационного потока фальсифицированных мультимедийных материалов, представленных в виде текстов, аудиозаписей, статичных изображений, видеоряда в целях обеспечения защиты спланированных дезинформационных атак. Лидером в области разработки данного программного обеспечения считается американская программа Semantic Forensics (SemaFor), с помощью которой можно идентифицировать фальсификат, произвести его анализ и классификацию, распознать специфические атрибуты, определить значимые характеристики, позволяющие установить единый источник происхождения, определить способы (алгоритмы) создания и управления дезинформацией и т. д. [6, с. 74].

Однако применение данного инструментария в рамках судебно-экспертной деятельности весьма затруднительно с методической точки зрения. В этой связи в настоящий момент при производстве портретных, а также видеотехнических экспертиз по-прежнему проводятся анализ и оценка таких признаков, как:

- различия в качестве изображений центральной и периферийной части кадра;
- размытость «стыковочных» изображений, неестественное расположение элементов внешности, которые проявляются при резких движениях головы, а также расположение лица под острым углом;
- несоответствие масштабов изображений на разноракурсных кадрах;
- наличие эффекта постоянно открытых глаз у «синтезированного» изображения и иные признаки.

Выделение данных признаков в «ручном» режиме при изучении покадровых изображений занимает у специалистов много времени. А применение преступниками современных манипуляционных платформ FaceFusion и других инструментов практически исключают воз-

возможности механического определения наличия дипфейка.

С учетом современных реалий криминалистические аспекты противодействия преступности в цифровом обществе должны идти одновременно по нескольким направлениям и предусматривать реализацию специальных оперативных мероприятий с использованием инструментария и алгоритмов, в том числе:

- обратного поиска по изображениям (Yandex, Google, Bing, сервисы reverse image search: Tineye, Search4faces);

- данных ВебАрхива (cache, Wayback Machine);

- проверки монтажа (JPEGsnoop – свободно распространяемое программное обеспечение, которое изучает и декодирует внутреннюю информацию изображений, позволяет выявить признаки монтажа и Photoshop);

- проверки дипфейков (scanner.deerware.ai – сервис обеспечения проверки);

- специальных запросов и инструментов (google dork, OSINT Framework)¹.

Вторым направлением противодействия использованию технологий дипфейка в качестве средств совершения преступлений является внедрение в деятельность экспертно-криминалистических подразделений МВД России специального программного обеспечения, которое потенциально позволит сократить время, затрачиваемое на экспертное исследование. В этой связи для обеспечения потребностей экспертно-криминалистических подразделений МВД России на основе выполненной НИОКР «Зеркало (Верблюд)» ведется разработка ПТК «КЛОН». Также совместно с Институтом криминалистики ФСБ России идет работа над программой «Дуализм». По утверждению разработчиков, обе они обеспечат выявление признаков внутрикадрового монтажа видеоизображений, выполненных с помощью нейронных сетей, а также автоматизацию производства поиска отклонений и несоответствий установленных параметров при выявлении диагностических признаков внутрикадрового монтажа видеоизображений.

В настоящее время экспертно-криминалистический центр МВД России совместно с ПАО «Сбербанк» проводит апробацию технологии определения синтетически измененных изображений лиц на видео. Отличительной особенностью системы является возможность об-

работки видеоконтента с несколькими лицами в кадре. В этом случае система выявляет отдельное лицо, созданное синтетическим образом, и оценивает его достоверность, что позволяет противодействовать ряду методов обхода систем выявления дипфейков².

Уникальные ИТ-решения для борьбы с недостоверной информацией и с генеративными фейками предложили специалисты Управления по противодействию распространению недостоверной информации АНО «Диалог Регионы», создавшие систему мониторинга дипфейков «Зефир», обеспечивающую комплексную оценку материала: распознавание дипфейков, анализ спуфинга голоса, транскрибирование и перевод аудио, поиск дубликатов и первоисточников, детекция персон на видео- и аудиозаписях, а также определение съемки на хромакее.

Внедрение отечественного программного обеспечения в деятельность правоохранительных органов и государственных организаций является неотъемлемой частью технологического решения относительно минимизации последствий стремительно увеличивающегося числа преступлений, совершенных с использованием современных цифровых технологий. Этот процесс в обязательном порядке должен сопровождаться решением проблем законодательного регулирования, а также поиском путей совершенствования механизма правоприменительной практики противодействия преступности в цифровом обществе.

Библиографический список

1. Paarth Neekhara, Shehzeen Hussain, Xinqiao Zhang, Ke Huang, Julian McAuley, Farinaz Koushanfar FaceSigns: Semi-Fragile Neural Watermarks for Media Authentication and Countering Deepfakes // Inference Demo: <https://github.com/paarthneekhara/FaceSignsDemo>

2. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия распространению и использованию дипфейков в Российской Федерации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2023. Т. 28. № 4. С. 42–55. DOI: 10.55001/2587-9820.2023.34.41.005

3. Masood M., Nawaz M., Malik K. M., Javed A., & Irtaza A. Deepfakes Generation and

¹ Искусственный интеллект в эпоху постправды: угроза или будущее фактчекинга. URL: https://lk.msu.ru/uploads/attachments/attachment_3202_1698839225.pdf (дата обращения: 02.12.2024).

² Патент на изобретение «Способ и система для определения синтетически измененных изображений лиц на видео» RU 2768797 С1. Патентообладатель: Публичное акционерное общество «Сбербанк России».

Detection: State-of-the-art, open challenges, countermeasures, and way forward // *Applied Intelligence*. 2022. Vol. 53, Issue 4. Pp. 3974–4026. URL: <https://doi.org/10.1007/s10489-022-03766-z>

4. Ramachandran V., Hardebolle C., Kotluk N., Ebrahimi T., Riedl R., Jermann P., & Tormey R. A multimodal measurement of the impact of deepfakes on the ethical reasoning and affective reactions of students // *SEFI 2023 – 51st Annual Conference of the European Society for Engineering Education: Engineering Education for Sustainability, Proceedings*. 2023. IEEE. 10.21427/EAJR-WE79

5. Климова Я. А. Криминалистический анализ преступлений, совершённых с использованием дипфейк-технологии // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2024. № 2 (76). С. 29–35.

6. Дронова О. Б. Современные технические средства выявления монтажа видеоизображений // *Теория и практика установления лица, совершившего преступление: уголовно-процессуальный, криминалистический, оперативно-розыскной аспект*. Волгоград, 2023. С. 72–75.

References

1. Paarth Neekhara, Shehzeen Hussain, Xinqiao Zhang, Ke Huang, Julian McAuley, Farinaz Koushanfar FaceSigns: Semi-Fragile Neural Watermarks for Media Authentication and Countering Deepfakes // *Inference Demo*: <https://github.com/paarthneekhara/FaceSignsDemo>

2. Bodrov N. F., Lebedeva A. K. Criminal law and criminalistic aspects of countering the spread and use of dipfakes in the Russian Federation // *Criminalistics: yesterday, today, tomorrow: collection of scientific tr.* Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 28. No. 4. Pp. 42–55. DOI: 10.55001/2587-9820.2023.34.41.005

3. Masood M., Nawaz M., Malik K. M., Javed A., & Irtaza A. Deepfakes Generation and Detection: State-of-the-art, open challenges, countermeasures, and way forward // *Applied Intelligence*. 2022. Vol. 53, Issue 4. Pp. 3974–4026. URL: <https://doi.org/10.1007/s10489-022-03766-z>

4. Ramachandran V., Hardebolle C., Kotluk N., Ebrahimi T., Riedl R., Jermann P., & Tormey R. A multimodal measurement of the impact of deepfakes on the ethical reasoning and affective reactions of students // *SEFI 2023 – 51st Annual Conference of the European Society for Engineering Education: Engineering Education for Sustainability, Proceedings*. 2023. IEEE. 10.21427/EAJR-WE79

7. Klimova Ya. A. Criminalistic analysis of crimes committed using deepfake technology // *Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. No. 2 (76). Pp. 29–35.

8. Dronova O. B. Modern technical means of detecting the installation of video images // *Theory and practice of identifying the person who committed the crime: criminal procedure, criminalistic, operational investigative aspect*. Volgograd, 2023. Pp. 72–75.

Информация об авторе

Дронова Ольга Борисовна – доктор юридических наук, профессор

Information about the author

Dronova Olga B. – Doctor of Law, Professor

Статья поступила в редакцию 03.12.2024; одобрена после рецензирования 17.12.2024; принята к публикации 20.12.2024

The article was submitted 03.12.2024; approved after reviewing 17.12.2024; accepted for publication 20.12.2024

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК

Научная статья
УДК 343.98

Методологизм как средство вскрытия механизма доказывания преступной деятельности

Афанасьев Алексей Юрьевич
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,
afanasev_alexey@bk.ru

Аннотация. Методологический подход противопоставляется чисто научному. Преимущества видятся в способности нормирования (организации) деятельности по созданию моделей в криминалистических исследованиях, в том числе механизма доказывания преступной деятельности. Благодаря методологизму соблюдается субординация уровней моделирования той или иной действительности, непонятное становится понятным, нераскрытое – раскрытым.

Ключевые слова: методологизм, механизм доказывания, преступная деятельность, функциональная система, моделирование

Для цитирования: Афанасьев А. Ю. Методологизм как средство вскрытия механизма доказывания преступной деятельности // На страже закона. 2024. № 4. С. 17–21.

Original article

Methodology as a means of revealing the mechanism of proving criminal activity

Afanasyev Alexey Yu.
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny
Novgorod, Russia, afanasev_alexey@bk.ru

Abstract. The methodological approach is opposed to a purely scientific one. The advantages are seen in the ability to standardize (organize) the activity of creating models in forensic studies, including the mechanism of proving criminal activity. Thanks to methodology, subordination is observed in the levels of modeling a particular reality, the incomprehensible becomes understood, the unsolved becomes solved.

© Афанасьев А.Ю., 2024

Keywords: methodology, mechanism of proof, criminal activity, functional system, modeling

For citation: Afanasyev A. Yu. Methodology as a means of revealing the mechanism of proving criminal activity // Law Enforcement. 2024. № 4. Pp. 17–21.

В криминалистике и уголовно-процессуальной науке стали крайне заметны две тенденции, отражающие прошлое, демонстрирующие настоящее и предопределяющие будущее. С одной стороны, присутствует избыток непригодных и невостребованных криминалистических рекомендаций, с другой – таких же доктринальных предложений по изменению уголовно-процессуального закона. Сложные абстракции и слепая нормативистика – вот то, что мы имеем на сегодняшний день. Если предпринять попытку систематизации всех предложенных новшеств, концепций, законопроектов, то мы обнаружим, что их не только нельзя реализовать, но они «опасны для здоровья». «Срезающая верхний слой» доступных источников, можно заметить, что часть предложений уже не нова, другие дублируют предшествующие работы, третьи не поддерживаются другими авторами, четвертые принимаются по умолчанию. При всем этом ключевым недостатком выступает то, что с каждым годом разработки становятся все дальше от закономерностей действительности.

В криминалистике признано, что необходимо исследовать закономерности двух видов деятельности (преступной деятельности и деятельности по ее выявлению и расследованию) и их взаимовлияние. При этом до конкретных подтвержденных закономерностей в основном так дело и не доходит. В науке уголовного процесса и вообще они обходятся стороной, все это прикрывается общественными отношениями, возникающими по поводу реализации уголовно-процессуального закона, самим законом, научными источниками и судебной следственной практикой. Отсюда мы имеем практику, которая все еще ждет решения ее проблем, и науку, которая не знает, что именно ей надо исследовать и как. Очевидно, как практика не может решить проблем науки, так и наука напрямую не может решить проблем практики. Это разные действительности и разные уровни моделирования. Наука должна решать научные проблемы, результаты которых могут быть использованы для урегулирования уже практических проблем. Один из основных представителей Московского методологического кружка Э. Г. Юдин указывал на три парадокса в системе

знания: существующая система знания может разрастись настолько, что ее применение станет весьма затруднительным и сложным; существующая система знания перестает выступать как средство, объясняющее основные факты, которые накоплены в эмпирической сфере соответствующей науки; экспериментальные данные допускают лишь такое объяснение, которое противоречит некоторым основным положениям теории, подтвержденным на практике [1, с. 78–79]. Проявления этих парадоксов можно встретить и в исследуемой нами области научного знания.

Разобраться в одновременно сложном и важном вопросе нельзя без выхода на рефлексивную позицию, который становится возможным благодаря замене чисто теоретического подхода на метатеоретический (методологический). Методология нами понимается не как совокупность методов научного познания или учение о методах, а как результат внутринаучной рефлексии, обращенной к собственной исследовательской деятельности. Пожалуй, самим ученым в процессе решения конкретных научных проблем подниматься на методологический уровень не всегда целесообразно. Также не всегда можно говорить и о собственной методологии в целом. В этих условиях исследователи обращаются к методологии конкретной науки (или совокупности наук), к методологии научной школы и к методологии уже проведенных исследований. Если первые два варианта можно считать допустимым исследовательским сценарием, то третий – отрицает самостоятельное авторское начало.

Результат такой внутринаучной рефлексии показал, что имеются проблемы не только в рамках отдельных исследований, но и в соответствующих областях научного знания. Оказалось, что методология криминалистики и науки уголовного процесса так и не сформировалась. Очевидно, на это можно возразить, указав на то, что у каждого исследователя своя методология, что общая методология складывается из частных методологий, что более важно использовать соответствующие методы научного познания, что, если есть полезный результат, не важен путь исследования. Целое всегда больше суммы ее частей [2, с. 113], методы решают

лишь конкретные исследовательские задачи, а полезность результатов – вообще оценочная категория (смотря, кто оценивает и относительно чего: вероятно, для самого автора его результаты самые что ни на есть полезные). В действительности же мы становимся очевидцами того, что ученые-процессуалисты и криминалисты всячески избегают методологического подхода, оправдывая это сложностью, абстрактностью, отсутствием практикоориентированности, а иногда даже неприменимостью такого пути.

Представляется, что это серьезное упущение, способное привести соответствующие науки в состояние застоя. Субъекты доказывания преступной деятельности начнут сами для себя писать методические рекомендации по выявлению, квалификации, раскрытию и расследованию преступлений, разрабатывать предложения по внесению изменений в соответствующее законодательство, давать комментарии к уголовно-процессуальному закону и другим нормативным правовым актам, применяемым в доказывании, и т. д. И тогда маятник качнется в другую сторону – к снижению научного компонента и повышению прикладного. К ученым и к их разработкам перестанут обращаться, полагая, что и без них правоприменительная практика сама справится. Но это будет происходить до тех пор, пока не обнаружится, что и это приводит к негативным последствиям – к хаосу, размыванию границ между наукой и практикой, непониманию действительности, упрощению подходов, снижению научной обоснованности принимаемых решений. Как следствие, проявятся должностные лица, которые, будучи субъектами доказывания, будут заниматься исключительно наукой. И все двинется в обратную сторону. Опять работает принцип маятника, указывающий на цикличность всех процессов в жизни государства и общества. В разные периоды развития отечественной науки были и подъемы, и застои [3].

Очевидно, что такой исход не устроит ни одну из сторон. Каждый должен заниматься своим делом: следователи, дознаватели, оперуполномоченные, участковые уполномоченные полиции, прокуроры, судьи – доказыванием преступной деятельности; деятели криминалистической и уголовно-процессуальной наук – изучением научных проблем, что позволит приблизиться к решению проблем практики. Между ними должен быть баланс, золотая середина, если хотите. В этом плане стоит сверхзадача – организовать науку так, чтобы ее результаты были пригодны для решения не

только научных проблем, но и проблем практики. Сама себя наука организовать не может. Именно здесь и находится место для методологии. Мы воспринимаем ее не просто как некий высший уровень научной деятельности и тем более не только как совокупность средств и методов научного познания, а как результат внутринаучной рефлексии, обращенной к организации собственной исследовательской деятельности или организации самой науки.

Тем самым, методологии следует организовать науку так, чтобы она более соответствовала запросам практики. Очевидно, перескакивать между различными уровнями работы не стоит. Как нельзя перескочить между типами проблем и уровнями моделирования их решений. Проблемы науки и практики лишь опосредованно решаются через организацию науки и соответствующие исследования. В этом плане не может быть методологии практической деятельности. Например, нельзя говорить о методологии уголовного процесса, но можно говорить о методологии науки уголовного процесса и криминалистики, также нельзя говорить о методологии доказывания преступной деятельности, но можно говорить о методологии исследования доказывания преступной деятельности. «Если теория направлена на получение знания о самой действительности, то методология направлена на процесс получения знания... между теорией и методологией всегда сохраняется отношение цели и средства» [1, с. 71].

Методологизм может выступать в качестве средства создания научных моделей благодаря рефлексивному механизму, позволяющему исследователю находится вне предмета конкретной науки и научного исследования. Для этого требуется осуществить выход на рефлексивную позицию не только по отношению к конкретному исследованию, но и в целом по отношению к научной действительности. Именно так индивид способен «...с одной стороны, видеть и понимать предметы окружающего мира, а с другой – одновременно мыслить и осознавать самого себя, мыслящего и воспринимающего окружающие предметы» [4, с. 86].

Разумеется, подобный выход в рамках отдельного исследования сложен для исполнения: занимать одновременно позицию в рамках выделенного предмета и рефлексивную позицию вне предмета исследования не так-то и просто. Если представить какое-либо исследование, то это выглядит так: необходимо разрешить исследовательскую проблему и одновременно рассказать, как проходило

разрешение со всеми подробностями, начиная с постановки той самой проблемы. В таком случае проблема становится научно-методологической и потребует нормирования и организации исследовательско-рефлексивной деятельности. Получается, что «в ходе построения предмета методология как бы корректирует работу исследователя. Она побуждает его систематически «оглядываться» на проделанную работу, критически оценивать предмет изучения, его полноту и взаимную согласованность его компонентов. Пока предмет находится в стадии построения, методологический анализ способен помочь в выявлении возможных ошибок или ложных ходов исследовательской мысли» [1, с. 84].

Применительно к исследованию механизма доказывания преступной деятельности это может выглядеть так: следует спроектировать, сконструировать, запрограммировать путь вскрытия механизма, а потом все это реализовать таким образом, чтобы доказывание преступной деятельности предстало в виде понятой организации – закономерностей этой деятельности. Для этого необходимо определить и методологические установки, от которых следует отталкиваться, и методику вскрытия такого «черного ящика», как сложная функциональная система «доказывание преступной деятельности».

В результате получится модель не самой деятельности по доказыванию, не уголовно-процессуального доказательственного права и даже не научная модель решения конкретной научной проблемы, а методологическая модель организации научного исследования механизма доказывания преступной деятельности.

Конечно, сложно отделить методологию от науки. В этой связи зачастую и получается научно-методологическая модель. Однако следует иметь в виду, что их необходимо разграничить друг от друга так же, как мышление от рефлексии. В первом случае получается мысленная модель, во втором – рефлексивная. В криминалистике создаются, главным образом, мысленные модели, к числу которых относят криминалистическую характеристику [5, с. 60], версию о преступной деятельности [6, с. 18], механизм преступной деятельности [7, с. 349], саму преступную деятельность и деятельность по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, а также их взаимосвязи [8, с. 14], криминалистическую рефлексивную деятельность [9, с. 88–112] и др. Также как отождествляют криминалистическую модели пре-

ступления с моделью механизма преступления и криминалистической характеристикой [10, с. 73], криминалистический механизм преступления с криминалистической информационной моделью преступления [11, с. 68], так и разграничивают две модели – механизм преступной деятельности и криминалистическую характеристику [7, с. 349–350] и т. д.

По этим и подобным моделям наблюдаются следующие тенденции: во-первых, они перестали наглядно, понятно и доступно отражать реальную действительность (криминальную и антикриминальную); во-вторых, при их построении все меньше говорят о закономерных связях между элементами моделей; в-третьих, их применение ограничено и не позволяет повышать эффективность деятельности по выявлению и расследованию преступлений (доказыванию).

Как итог, количество научных моделей растет, а полезность стремится к нулю. С одной стороны, представляется, что они изначально строились неверно, с другой – на них возлагались завышенные надежды. В этом плане методологизм есть не что иное, как средство нормирования деятельности по построению научных моделей, чтобы они максимально отражали действительность, чтобы создавались при решении конкретных научных задач, чтобы на основе научных моделей конструировались модели реальной деятельности субъектов доказывания.

Библиографический список

1. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 444 с.
2. Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2-х кн.: Кн. 1. / под ред. Л. И. Абалкин и др. Отделение экономики АН СССР. Институт экономики АН СССР. М.: Экономика, 1989. 303 с.
3. Кара-Мурза С. Г. Застой в фундаментальных исследованиях: поиск путей преодоления ошибок // Вестник Академии наук СССР. 1989. № 4. С. 31–38.
4. Щедровицкий Г. П. Мышление – Понимание – Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005. 798 с.
5. Криминалистика: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Н. П. Яблоков. М.: Юристъ, 2005. 781 с.
6. Антонов Ю. В. Способ совершения преступления против личности с использованием огнестрельного оружия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1995. 21 с.

7. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. А. Ф. Лубина. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. 587 с.

8. Зезянов В. П. Роль, место и значение специальных знаний в криминалистической методике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1994. 24 с.

9. Каминский А. М. Криминалистическое содержание рефлексивного анализа и моделирования в тупиковых ситуациях деятельности по раскрытию и расследованию преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1997. 174 с.

10. Меретуков Г. М. Правовые и криминалистические проблемы борьбы с наркобизнесом, совершаемым организованными группами: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 470 с.

11. Анфиногенов А. И. Психологический портрет преступника, его разработка в процессе расследования преступления: дис. ... канд. псих. наук. М., 1997. 183 с.

References

1. Yudin E. G. Methodology of Science. Systematicity. Activity. M.: Editorial URSS, 1997. 444 p.

2. Bogdanov A. A. Tectology: General Organizational Science. In 2 books: Book 1. / ed. by L. I. Abalkin and oth. Department of Economics of the USSR Academy of Sciences. Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences. M.: Economica, 1989. 303 p.

3. Kara-Murza S. G. Stagnation in Fundamental Research: Search for Ways to Overcome Mistakes // Bulletin of the USSR Academy of Sciences. 1989. No. 4. Pp. 31–38.

4. Shchedrovitsky G. P. Thinking – Understanding – Reflection. M.: Nasledie MMK, 2005. 798 p.

5. Forensic Science: textbook. 3rd ed., revised and enlarged / ed. by N. P. Yablokov. M.: Jurist, 2005. 781 p.

6. Antonov Yu. V. Method of committing a crime against a person using a firearm: author's abstract. dis. ... cand. of legal sciences. Izhevsk, 1995. 21 p.

7. Forensic Science: Lecture Course / ed. by prof. A. F. Lubin. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 587 p.

8. Zezyanov V. P. Role, Place and Significance of Special Knowledge in Forensic Methodology: author's abstract. dis. ... cand. of legal sciences. Izhevsk, 1994. 24 p.

9. Kaminsky A. M. Forensic content of reflexive analysis and modeling in dead-end situations of

crime detection and investigation activities: dis. ... cand. of Law. Nizhny Novgorod, 1997. 174 p.

10. Meretukov G. M. Legal and forensic problems of combating drug trafficking committed by organized groups: dis. ... dr. of Law. M., 1995. 470 p.

11. Anfinogenov A. I. Psychological portrait of a criminal, his development in the process of crime investigation: dis. ... cand. of Psych. M., 1997. 183 p.

Информация об авторе

Афанасьев Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Afanasyev Alexey Yu. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 31.09.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 20.12.2024

The article was submitted 31.09.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 20.12.2024

ТЕОРИЯ КРИМИНОЛОГИИ И ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И ЕЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ

Научная статья
УДК 343.843

Административный надзор как субинститут криминологического права

Тепляшин Павел Владимирович
Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия,
pavlushat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6737-749X>

Аннотация. В статье приводятся предпосылки институционализации административного надзора и обосновывается отнесение его к предмету криминологического права. Излагаются факторы, свидетельствующие о допустимости выделения криминологического права в самостоятельную теоретическую отрасль права. Обосновывается мнение о том, что административный надзор является публично-правовым процедурным постоянно действующим рассредоточенным в нескольких правовых актах комплексным институтом криминологического права, охватывающим нормативные установления императивного характера и федерального действия, регламентирующие в основном содержание административно-надзорных правоотношений, возникающих и существующих по поводу предупреждения совершения поднадзорными лицами преступлений и иных правонарушений.

Ключевые слова: органы внутренних дел, освобождение от отбывания лишения свободы, поднадзорное лицо, правоохранительная доктрина, сложный правовой институт

Для цитирования: Тепляшин П. В. Административный надзор как субинститут криминологического права // На страже закона. 2024. № 4. С. 22–30.

Original article

Administrative Supervision as a Sub-Institution of Criminological Law

Teplyashin Pavel V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Krasnoyarsk, Russia, pavlushat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6737-749X>

Abstract. The article presents the prerequisites for the institutionalization of administrative supervision and substantiates its attribution to the subject of criminological law. It sets out the factors that indicate the admissibility of separating criminological law into an independent theoretical branch of law. It is substantiated that administrative supervision is a public-legal procedural permanently acting complex institute of criminological law, dispersed in several legal acts, covering normative provisions of an imperative nature and federal action, regulating mainly the content of administrative-supervisory legal relations arising and existing in connection with the prevention of crimes and other offenses committed by supervised persons.

Keywords: internal affairs agencies, release from serving a prison sentence, supervised person, law enforcement doctrine, complex legal institution

For citation: Teplyashin P.V. Administrative Supervision as a Sub-Institution of Criminological Law // Law Enforcement. 2024. № 4. Pp. 22–30.

Исследование правовых институтов и субинститутов сопряжено с важностью глубокого осмысления их непростой юридической природы, их места в соответствующей отраслевой системе законодательства и права. В данном контексте нельзя не заметить методологическую неоднородность их содержания, зачастую противоположные представления исследователей о социально-правовой валидности таких категорий.

В этом случае особый научный интерес представляет Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Федеральный закон об административном надзоре), принятие которого ознаменовало не только новый виток правового регулирования соответствующих общественных отношений, возникающих в сфере противодействия постпенитенциарной преступности, но и повлекло формирование комплекса соответствующих юридических норм и правовых позиций, имеющих криминологическую значимость. Можно резюмировать существование сложного комплексного института – субинститута, который в силу своей юридической природы, содержания и специально-правовых особенностей может быть отнесен к предмету криминологического права. Институ-

ционализация административного надзора детерминирована публичными интересами и общественными потребностями.

При этом нельзя не заметить, что криминологическое право является условной и во многом интегрированной отраслью права, которая охватывает законодательство, существующее для формирования правовых установлений, направленных в конечном итоге на профилактику и противодействие преступности. Более развернутое определение предлагает В. Н. Орлов: «комплексная отрасль права, представляющая собой совокупность разноотраслевых юридических норм как уже сформированных отраслей, так и стремящихся в будущем к отраслевой самостоятельности (например, наркокриминологическое право, криминопенитенциарное право и т. д.), регулирующих общественные отношения, обусловленные причинами, условиями и возникающие в процессе предупреждения преступного, криминально-виктимного поведения, преступности, криминальной виктимности, а также их типах, видах и иных мер борьбы с преступностью» [1, с. 214]. В свою очередь В. А. Зикеев обосновано указывает, что формирование «в России системы законодательства связано с возникновением правовых интегративных явлений, протекающих параллельно с процессом дифференциации и

автономизации нормативного регулирования. Не является исключением в этом отношении и законодательство о противодействии преступности» [2, с. 74].

Соответственно, исследование концептуальных вопросов формирования теоретических отраслей права не должно восприниматься только лишь данностью юридической инноватике, но может выступать проявлением авангардности такого анализа и подчеркивать его ценность для развития отечественной правоохранительной доктрины и практики. Действительно непростые и разноплановые угрозы безопасности государства указывают на необходимость внимательного и основательного исследования подлинных процессов, зарождающихся и протекающих на различных уровнях отечественной правовой системы и правоохранительной деятельности. Одним из таких процессов выступает формирование и развитие крупных правовых массивов – отраслей права как в формально-юридическом (нормативном), так и научно-абстрактном (теоретическом) аспектах. В связи с чем особый научный интерес вызывает вопрос теоретической обусловленности и практической перспективы формирования криминологического права как самостоятельной отечественной специально-юридической отрасли в теоретическом аспекте.

Как представляется, административный надзор выступает субинститутом криминологического права, поскольку он, будучи сопряженным с институтом постпенитенциарной профилактики преступлений, демонстрирует соответствующие особенности видовых общественных отношений.

Предварительно следует постулировать, что относительно самостоятельности существования криминологического права как теоретической отрасли российского права можно говорить лишь тогда, когда соответствующая совокупность значительной группы однородных правовых норм обладает своим собственным специфическим предметом правового регулирования, отражает логически выстроенную совокупность правовых установлений, выступающих автономно и относительно обособлено от других сфер законодательства.

Рассматриваемая область правоотношений получила свое развитие задолго до принятия Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о профилактике). Так, точкой отсчета формирования системы за-

конодательства о противодействии преступности может служить принятие в 1832 г. Устава о предупреждении и пресечении преступлений. В советский период активная фаза развития соответствующего законодательства связана с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. № 5364-VI, которым было утверждено Положение об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. На весьма глубокие исторические корни административного надзора указывается и в специальных исследованиях [3; 4].

Представляется возможным привести несколько факторов, свидетельствующих о допустимости выделения криминологического права в самостоятельную теоретическую отрасль права.

I. Наличие собственного предмета правового регулирования, которым являются общественные отношения, возникающие и существующие в границах деятельности субъектов профилактики (предупреждения) и противодействия преступности и сопряженных с ней негативных социальных явлений и процессов. Обозначенный предмет обладает соответствующими рамками, отграничивающими соответствующие общественные отношения, что позволяет отличать их от иных групп общественных отношений. Следует поддержать М. П. Клеймёнова, по мнению которого «предметом криминологического права как отрасли законодательства являются общественные отношения, урегулированные нормативными правовыми актами в связи с изучением и анализом негативных социальных явлений и процессов криминологической экспертизой нормативных правовых актов; установлением и реализацией мер по обеспечению мер безопасности личности, общества и государства от угроз криминального характера; организацией комплексной деятельности государств, национальных органов власти, общественных организаций, религиозных объединений и граждан по противодействию общественно опасным деяниям, негативным социальным явлениям и процессам» [5, с. 22].

Как известно предметная область общественных отношений, подлежащих правовому регулированию, наиболее тесно связана с какой-либо разновидностью общественных отношений – социальной, экономической, политической, духовно-нравственной, экологической, техногенной. Применительно к предметной области правового регулирования со стороны криминологического права необхо-

димо вести речь не об определенной разновидности отношений, а фактически обо всех одновременно.

II. Обладание определенной степенью внутренней нормативной согласованности, что приближает данный массив норм к возможности выступать элементом системы права в целом. Так, Федеральный закон о профилактике и соответствующая теоретико-правовая материя имеют сложную внутреннюю структуру, элементами которой являются правовые институты. Более того, некоторые из этих институтов (например, институт средств профилактики правонарушений) фактически обладают качествами субинститута, то есть комплексного института. Однако требуется обратить внимание на то обстоятельство, что только лишь принятие Федерального закона о профилактике, обладающего во многом «рамочным» характером, еще не указывает на появление новой отрасли права, но свидетельствует о фактическом существовании значительного объема правовых норм, формирующих соответствующие институты (в частности, профилактический учет лиц, склонных к совершению правонарушений, прогнозирование криминогенных факторов социального характера) и субинституты (например, субинститут форм профилактического воздействия).

Допустимо утверждать, что для правовых норм, образующих общее нормативное полотно криминологического права после принятия Федерального закона о профилактике стала характерна уже более значительная степень внутренней организации. Ведь еще в 2013 г. Д. А. Шестаков справедливо отмечал, что «криминологические нормы в настоящее время рассеяны по различным отраслям законодательства» [6, с. 47]. Следовательно, уже после принятия обозначенного нормативного правового акта совокупность законов правоохранительной направленности (в частности, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму») стала консолидированной. Это дает веские, научно обоснованные и объективно обусловленные основания для квалификации криминологического законодательства как относительно обособившейся группы норм, фактически образующих самостоятельную отрасль российского права. Стройность такого построения и эффективность применения соответствующих регуляторов находятся в прямой зависимости

от дальнейшей систематизации криминологического законодательства.

Также следует указать на существующие в научных исследованиях предложения по разработке и принятию соответствующего кодифицированного нормативного правового акта. Так, М. П. Клеймёнов пишет: «мысль о криминологическом кодексе – именно криминологическом, а не кодексе предупреждения преступлений, представляется плодотворной. В этом кодексе следует, прежде всего, закрепить стратегическую роль криминологии» [7, с. 157]. Действительно, основное место нормативно-правовой «дислокации» криминологического права – это Федеральный закон о профилактике. Вместе с этим, существенный объем юридических установлений, касающихся противодействия преступности, находится в иных правовых актах, например, в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Следовательно, профилактика преступности объективно выражена не в одном, а в целой группе нормативных правовых актов, что указывает на соответствующую разрозненность нормативно-правовых регуляторов. Думается, что подобная разрозненность норм мешает их системному применению. Однако принятию кодифицированного акта в области профилактики преступности препятствует ряд следующих проблем:

1) отсутствие систематически проводимых исследований, которые рассматривали бы криминологическое право как самостоятельную специально-юридическую отрасль;

2) многие, по сути, юридические лакуны профилактических отношений объективно восполняются исследованиями неправового характера (например, понимание категории «социальное обслуживание» посредством теории социальной работы, педагогической, медицинской, психологической и иных наук). В итоге, наблюдается объективное торможение окончательного формирования отрасли криминологического права как целостного юридического механизма, включающего крупные блоки юридических средств, конструкций и (комплексных) институтов.

III. Располагает механизмами взаимодействия с иными отраслями права (в частности, с уголовным правом, уголовно-процессуальным правом, уголовно-исполнительным правом), то есть способностью являться одноуровневым регулятором общественных отношений. Ключевым моментом здесь выступает тот факт, что принятие Федерального закона о профилактике дает возможность считать его нормативным

ядром, основным источником криминологического права. В этой связи целесообразно привести авторитетное мнение А. В. Мицкевича, считающего, что «важнейшим внешним выражением образования отрасли права служит относительное обособление определенных групп правовых норм, составляющих эту отрасль. О сложившейся отрасли права можно говорить тогда, когда в законодательстве прямо установлен или практически обнаруживается достаточно четкий "водораздел" между нормами, составляющими данную отрасль, и нормами других отраслей права» [8, с. 16].

Криминологическое право обнаруживает свою регулятивную роль в тех общественных отношениях, где активно действуют нормы других отраслей российского права (в частности, право социального обеспечения, пробационное право). Таким образом, по объему и глубине регулируемых отношений криминологическое право охватывает, в сущности, специально-юридические потребности значительного перечня отраслей российского права. При этом нормативно-целевая направленность криминологического права и некоторых иных отраслей права во многом тождественны, что вытекает из сопоставительного анализа целей. Так, согласно п. 2 ст. 2 Федерального закона о профилактике цель профилактики правонарушений заключается в недопущении совершения лицами правонарушений или антиобщественного поведения, что вторит ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, где одной из целей уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации закрепляется предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. В свою очередь ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» одной из целей пробации определяет предупреждение совершения лицами, в отношении которых она применяется, новых преступлений.

IV. Базируясь на выделении в теории права учения о методах правового регулирования общественных отношений, а также в силу обособления ею права, как правило, двух основных методов – императивного и диспозитивного, можно выдвинуть тезис о том, что нормативные регуляторы криминологического права обладают императивной природой. Диспозитивные начала проявляются лишь эпизодически, например, при задействовании компромиссных механизмов, специальных оснований освобождения от уголовной ответ-

ственности. Данное сочетание методов отражает специфику криминологического права. Также необходимо обратить внимание на то, что среди субъектов профилактики правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 5 Федерального закона о профилактике, в первую очередь закреплены органы государственной власти (п. 1–4), а лишь затем органы местного самоуправления (п. 5). Обозначенные и иные формально-правовые положения криминологического законодательства указывают на приоритет императивного метода правового регулирования отношений, возникающих и существующих по поводу профилактики правонарушений, включая преступления.

Изложенные теоретические представления позволяют подойти непосредственно к анализу административного надзора как комплексного субинститута криминологического права. При этом следует заметить, что многие авторы лишь упоминают о том, что административный надзор является (суб)институтом права, но не аргументируют данное утверждение. Например, С. М. Иманбаев и Т. К. Микишев в наименовании подготовленной научной статьи обозначили административный надзор в качестве института, но в содержании работы не привели каких-либо аргументов в пользу этого тезиса [9]. Данный подход не позволяет понять юридическую природу и вероятные векторы развития административного надзора.

Итак, обозначенный субинститут базируется на совокупности соответствующих относительно обособленных норм криминологического права и некоторых иных отраслей права, является элементом их системы (по крайней мере, совокупности) и направлен на регулирование специфических общественных отношений. Субинститут административного надзора сопряжен с иными общественными отношениями и, следовательно, отраслями права, в частности, процессуально-административным, пробационным, полицейским, поэтому он обладает искомыми свойствами выделяемых в теории права комплексных субинститутов. Ведь именно в силу таких особенностей проявляется общая тенденция тяготения субинститутов к межотраслевой юридической природе.

Важно заметить, что субинститут административного надзора фактически направлен на каждое конкретное лицо, в отношении которого согласно ст. 3 Федерального закона об административном надзоре устанавливается административный надзор, тем самым он отражает идею персонифицированности и в определенной степени такую задачу данного правового

акта (ст. 2), как индивидуальное профилактическое воздействие на поднадзорных лиц в целях защиты государственных и общественных интересов.

Далее целесообразно указать, что нормы рассматриваемого субинститута регулируют те правоохранительные отношения, которые существуют по поводу профилактики повторных правонарушений и, в частности, преступлений лиц, освободившихся из мест отбывания наказания в виде лишения свободы.

Рассматриваемый субинститут тяготеет к преобладанию императивных начал правового регулирования. В формально-юридическом смысле архитектура Федерального закона об административном надзоре указывает на приоритет безальтернативных положений, отражающих сущность императивного метода воздействия на соответствующие общественные отношения. Так, ст. 4 рассматриваемого нормативного правового акта устанавливает административные ограничения при административном надзоре, которые представлены в качестве запретов (в частности, запрещение пребывания в определенных местах; запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях; запрещение выезда за установленные судом пределы территории). Только ст. 10 Федерального закона об административном надзоре закрепляет права поднадзорного лица, что преимущественно выражает диспозитивные начала правового регулирования. Также обращает на себя внимание тот факт, что ст. 12 исследуемого закона в первую очередь среди полномочий органов внутренних дел при осуществлении административного надзора закрепляет обязанности (ч. 1), а только затем соответствующие права органов внутренних дел (ч. 2 и 3). Представленные и иные нормативные положения демонстрируют превалирование императивного метода правового регулирования исследуемых общественных отношений.

В рамках научно-теоретических воззрений о формальном составе правоотношения, который охватывает такие структурные элементы как субъект, объект, субъективное право и юридическую обязанность, следует констатировать, что субинститут административного надзора относится к субинститутам, регламентирующим особенности юридического содержания правоотношений. Ведь именно субъективное право и юридическая обязанность формируют юридическое содержание рассматриваемых правоотношений. Таким образом,

юридическим содержанием общественных отношений по реализации административно-надзорных мероприятий выступают, с одной стороны, конкретные обязанности участников (поднадзорных лиц) и корреспондирующие данным обязанностям права субъектов реализации административного надзора (сотрудников органов внутренних дел), с другой – обязанности субъектов реализации административного надзора и соответствующие им права участников данных отношений.

В унисон вышеизложенной особенности формального состава административно-надзорных отношений важно заметить, что исследуемый субинститут в зависимости от его функциональной направленности следует квалифицировать как преимущественно охранительный. Ведь первоочередной задачей административного надзора устанавливается предупреждение совершения поднадзорными лицами преступлений и других правонарушений (ст. 2 Федерального закона об административном надзоре). В границах исследуемого субинститута обнаруживаются проявления регулятивной функции, поскольку установление соответствующих субъективных прав и возложение конкретных юридических обязанностей на обозначенный круг субъектов и участников приводят к возникновению, изменению либо прекращению рассматриваемых правоотношений. Естественно, что учредительная функция заключается в институционализации административного надзора. Также нельзя не отметить присутствие правонаделительной функции, которая материализуется в закреплении правового статуса участников (поднадзорных лиц) и субъектов реализации административного надзора (сотрудников органов внутренних дел).

В силу дихотомической структуры субинститутов права – состоящих из одной нормы права либо из нескольких нормативных установлений – субинститут административного надзора необходимо относить ко второй разновидности. Так, реализация административного надзора регулируется не только нормами Федерального закона об административном надзоре, но и гл. 29 «Производство по административным делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, ст. 173.1 «Установление административного надзора в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы» Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

Ведь не случайно в специальных исследованиях отмечается, что «административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, является комплексным межотраслевым институтом, включающим в себя уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и административные элементы» [10, с. 52]. В этой связи целесообразно привести мнение Н. Ю. Проценко, которая обоснованно констатирует, что «юридическая природа административного надзора относится частично к отрасли уголовно-исполнительного права» [11, с. 127].

На основании того, что по своему юридическому закреплению все субинституты могут быть разделены на две разновидности («по горизонтали») – сосредоточенные в рамках одного нормативного правового акта и рассредоточенные в нескольких нормативных правовых актах – субинститут административного надзора необходимо ассоциировать со второй группой. Так, основное место «дислокации» исследуемого субинститута – это Федеральный закон об административном надзоре. Однако, определенная часть юридических установлений, касающихся обязанностей поднадзорных лиц, находится, например, в Федеральном законе от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (ч. 3 ст. 19), Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ст. 50). Следовательно, субинститут пробации объективно выражен не в одном, а в целой группе нормативных правовых актов.

В качестве рефрена следует отметить, что по своей юридической фиксации в иерархической «лестнице» правовых актов все субинституты возможно сгруппировать на два класса («по вертикали»):

1) закрепленные только в правовых актах уровня закона;

2) рассредоточенные в нескольких правовых актах, в том числе подзаконного уровня.

Соответственно, субинститут административного надзора необходимо причислять ко второму классу, поскольку значительный объем правовых предписаний, касающихся поднадзорных лиц, расположен в правовых актах подзаконного уровня. В частности, приказ Генпрокуратуры России от 5 сентября 2022 г. № 494 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» детализирует порядок соблюдения законности и обоснованности судебных постановлений, которые выносятся в отношении лиц, по которым решается

вопрос об установлении, продлении, досрочном прекращении административного надзора, о частичной отмене или дополнении ранее наложенных административных ограничений. В свою очередь приказ МВД России от 8 июля 2011 г. № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» конкретизирует работу подразделений по организации и осуществлению административного надзора или должностных лиц, на которых возложены обязанности по осуществлению административного надзора.

Применительно к конкретному участнику административно-надзорных отношений рассматриваемый субинститут может фактически действовать как в период реализации административных ограничений, так и до начала их применения. Этот тезис основывается на наличии такого условия установления административного надзора, как признание лица в период отбывания наказания в местах лишения свободы злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания (п. 1 ч. 3 ст. 3 Федерального закона об административном надзоре). Следовательно, данное условие заставляет некоторые категории осужденных лиц (для которых наличие злостного нарушения непосредственно влияет на установление административного надзора) в период отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы соблюдать Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденные приказом Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы». Допустимо предположить наличие позитивного влияния Федерального закона об административном надзоре на процесс исправления осужденных.

Субинститут административного надзора в своей основе является процедурным, поскольку значительный объем норм Федерального закона об административном надзоре регламентирует установление, продление, прекращение и осуществление соответствующих ограничений. Реализация данных процедур носит строго регламентированный характер и предполагает постепенную трансформацию объема прав и обязанностей участников административно-надзорных отношений. Сложность реализации этих процедур обусловило

принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», в котором подробно разъясняются детали реализации административного надзора.

Безусловно, субинститут административного надзора обладает федеральным действием, так как его ключевые и важнейшие положения зафиксированы в нормативном правовом акте – Федеральном законе об административном надзоре, который может выступать частью криминологического права.

Таким образом, административный надзор является публично-правовым процедурным постоянно действующим рассредоточенным в нескольких правовых актах комплексным институтом криминологического права, охватывающим нормативные установления императивного характера и федерального действия, регламентирующие в основном юридическое содержание административно-надзорных правоотношений, возникающих и существующих по поводу предупреждения совершения поднадзорными лицами преступлений и других правонарушений.

Выяснение юридической природы рассмотренного субинститута открывает научные перспективы исследования и оценки степени его нормативной организованности, обнаружения резервов для дальнейшего расширения его действия (например, за счет включения новых категорий осужденных, в отношении которых может устанавливаться административный надзор), а также оптимизации концептуальных основ и стратегических установок по организации и деятельности субъектов криминологической профилактики преступности.

Библиографический список

1. Орлов В. Н. Криминологическое право в XXI в.: основные проблемы и пути развития // Проблемы и пути совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства: сборник материалов круглого стола в рамках IX Пермского конгресса ученых-юристов. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 214–221.
2. Зикеев В. А. О криминологической отрасли права // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4. С. 74–77.
3. Ушанов А. В. Нормативные правовые акты Российской империи, регламентирующие дея-

тельность полиции по предупреждению правонарушений (вторая половина XIX в.) // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 2. С. 128–132.

4. Авдейко А. Г., Плохин А. В. О законодательном урегулировании института административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Полицейское право. 2007. № 1. С. 72–76.

5. Клеймёнов М. П. Криминологическое законодательство и криминологическое право // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 9. С. 19–22.

6. Шестаков Д. А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1. С. 47–50.

7. Клеймёнов М. П. Криминологическое законодательство и криминологическое право в России // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 2. С. 148–159.

8. Мицкевич А. В. Соотношение системы советского права с системой советского законодательства // ВНИИ советского законодательства. Ученые записки. Вып. 11. М., 1967. С. 3–24.

9. Иманбаев С. М., Микишев Т. К. Реализация органами внутренних дел института административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Юрист Юга России и Закавказья. 2019. № 1. С. 9–15.

10. Астахова А. О. Законодательная регламентация современного института административного надзора // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4. С. 46–53.

11. Проценко Н. Ю. Институт условно-досрочного освобождения и его отличие от административного надзора, устанавливаемого после отбывания наказания // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2023. № 3. С. 124–129.

References

1. Orlov V. N. Criminological law in the 21st century: main problems and ways of development // Problems and ways of improving criminal and criminal-executive legislation: collection of materials of the round table within the framework of the IX Perm Congress of legal scholars. Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2018. Pp. 214–221.
2. Zikeev V. A. On the criminological branch of law // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2019. No. 4. Pp. 74–77.
3. Ushakov A. V. Normative legal acts of the Russian Empire regulating the activities of the

police to prevent offenses (second half of the 19th century) // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 2. Pp. 128–132.

4. Avdeyko A. G., Plokhin A. V. On the legislative regulation of the institute of administrative supervision over persons released from places of deprivation of liberty // Police law. 2007. No. 1. Pp. 72–76.

5. Kleymenov M. P. Criminological legislation and criminological law // Bulletin of the Nizhny Novgorod Law Academy. 2016. No. 9. Pp. 19–22.

6. Shestakov D. A. Criminological legislation and the law of combating crime // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2013. No. 1. Pp. 47–50.

7. Kleymenov M. P. Criminological legislation and criminological law in Russia // Lex Russica (Russian law). 2018. No. 2. Pp. 148–159.

8. Mitskevich A. V. Correlation of the system of Soviet law with the system of Soviet legislation // All-Russian Research Institute of Soviet Legislation. Scientific Notes. I. 11. M., 1967. Pp. 3–24.

9. Imanbaev S. M., Mikishev T. K. Implementation by the internal affairs bodies of the institute of administrative supervision over persons released from places of deprivation of liberty // Jurist of the South of Russia and Transcaucasia. 2019. No. 1. Pp. 9–15.

10. Astakhova A. O. Legislative regulation of the modern institute of administrative supervision // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4. Pp. 46–53.

11. Protsenko N. Yu. The Institute of Parole and Its Difference from Administrative Supervision Established After Serving a Sentence // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2023. No. 3. Pp. 124–129.

Информация об авторе

Тепляшин Павел Владимирович – доктор юридических наук, профессор

Information about the author

Teplyashin Pavel V. – Doctor of Law, Professor

Статья поступила в редакцию 12.11.2024;
одобрена после рецензирования 02.12.2024;
принята к публикации 20.12.2024

The article was submitted 12.11.2024;
approved after reviewing 02.12.2024; accepted
for publication 20.12.2024

Научная статья

УДК 343.85

К вопросу о профилактической работе участкового уполномоченного полиции с лицами, болеющими алкоголизмом

Литвин Илья Ильич¹, Савраскин Сергей Николаевич²

^{1,2}Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

¹ila-lake888@rambler.ru

²savraskinsn@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются особенности осуществления профилактической работы участковым уполномоченным полиции с лицами, страдающими алкоголизмом. Авторами проанализированы последние изменения в нормативных правовых актах, регламентирующих индивидуальную профилактическую работу участкового уполномоченного полиции, определены формы профилактики и предложены рекомендации по совершенствованию данной деятельности.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, административный участок, алкоголизм, правонарушения, профилактика, индивидуальная профилактическая работа, списочный учет, медицинские вытрезвители

Для цитирования: Литвин И. И., Савраскин С. Н. К вопросу о профилактической работе участкового уполномоченного полиции с лицами, болеющими алкоголизмом // На страже закона. 2024. № 4. С. 31–36.

Original article

On the issue of preventive work of the district police officer with persons suffering from alcoholism

Litvin Ilya I.¹, Savraskin Sergey N.²

^{1,2}Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia

¹ila-lake888@rambler.ru

²savraskinsn@yandex.ru

Abstract. The article reveals the features of the implementation of preventive work by a district police officer with persons suffering from alcoholism. The authors analyzed the latest changes in regulatory legal acts governing the individual preventive work of a district police officer, defined forms of prevention and proposed recommendations for improving this activity.

© Литвин И.И., Савраскин С.Н., 2024

Keywords: district police officer, administrative district, alcoholism, offenses, prevention, individual preventive work, list registration, medical sobering-up centers

For citation: Litvin I. I., Savraskin S. N. On the issue of preventive work of the district police officer with persons suffering from alcoholism // Law Enforcement. 2024. № 4. Pp. 31–36.

Алкоголизм и пьянство существенно влияют на обострение криминогенной обстановки: по данным прокуратуры сегодня каждое третье преступление совершается в состоянии алкогольного опьянения¹. По официальным статистическим данным МВД России в первой половине текущего года больше половины (57,7 %) расследованных полицией преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления, каждое пятое (20,8 %) – в состоянии алкогольного опьянения, каждое сорок первое (2,4 %) – несовершеннолетними или при их соучастии². В этой связи профилактическая деятельность, направленная на предупреждение преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, а также правонарушений и преступлений в отношении граждан, находящихся в состоянии сильного алкогольного опьянения, следовательно, в беспомощном, а иногда и бессознательном состоянии, сохраняет свою актуальность. При этом профилактика административных правонарушений, которые совершаются в состоянии алкогольного опьянения, имеет важное значение, так как положительно влияет на общую криминогенную ситуацию в регионе и на местах.

Традиционно за профилактику преступлений и правонарушений среди населения отвечает служба участковых уполномоченных полиции. На основании п. 22, 23 Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке³ можно сделать вывод о том, что осуществление индивидуальной профилактической работы составляет основу деятельности данной службы. В связи с чем рассмотрение практики прове-

дения профилактической работы участковым уполномоченным полиции позволит выявить направления совершенствования ее организации. Особую актуальность данная тема также приобретает в свете внесения изменений в указанную ранее Инструкцию, согласно которым состоящие на учете больные алкоголизмом были исключены из категории лиц, с которыми должна проводиться индивидуальная профилактическая работа.

До вступления в силу 6 февраля 2024 г. изменений в приказ МВД России № 205 участковый уполномоченный полиции проводил индивидуальную профилактическую работу с больными алкоголизмом, состоящими на учете в медицинской организации. Но только в том случае, если эти лица в течение года два или более раз привлекались к административной ответственности за совершение административных правонарушений в состоянии алкогольного опьянения, а также по ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ⁴. При этом существовали некоторые проблемы получения информации о таких лицах. В частности, в Инструкции указана необходимость получения подтверждения от медицинской организации о том, что лицо находится на учете в связи с лечением от алкоголизма, однако на уровне федерального законодательства в таких случаях не установлена возможность доступа к информации, составляющей врачебную тайну. В соответствии с требованиями Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» органам дознания информация, относящаяся к врачебной тайне, может быть передана без согласия гражданина только на основании соответствующего запроса и только в рамках расследования по уголовному делу. Также возможна передача информации в целях информирования органов внутренних дел, но

¹ Генпрокуратура: каждое третье преступление в России совершено под влиянием алкоголя. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/5419959>.

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – май 2024 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/51988292>.

³ Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полицией на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности». URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.09.2024).

⁴ Приказ МВД России от 6 февраля 2024 г. № 41 «О внесении изменений в Инструкцию по исполнению участковым уполномоченным полицией служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке и Наставление по организации службы участковых уполномоченных полиции, утвержденные приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205». URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения 23.09.2024).

в случаях, указанных в законе, к которым рассматриваемая ситуация не относится.

Кроме того, как справедливо указывают многие авторы, проведение индивидуальной профилактической работы с данной категорией лиц затруднялось в связи с тем, что отсутствует нормативное основание постановки на учет в медицинской организации лиц больных алкоголизмом [1, с. 322]. Требование о постановке на диспансерный учет таких лиц содержалось в Приказе Минздрава СССР от 12 сентября 1988 г. № 704¹, который применялся ввиду отсутствия иных нормативных правовых актов по данному вопросу, однако все же утратил силу в связи с изданием Приказа Минздрава России от 13 декабря 2018 г. № 877². Нового нормативного правового акта, устанавливающего порядок постановки на учет больных алкоголизмом, на сегодняшний день нет. Следовательно, можно предположить, что исключение больных алкоголизмом, состоящих на учете в медицинской организации, из категории лиц, с которыми участковый уполномоченный полиции проводит индивидуальную профилактическую работу, устраняет недостаток правового регулирования, но не предусматривает правовых оснований проведения индивидуальной профилактической работы с такими лицами. Тем не менее это не так.

В Инструкции сохраняется упоминание о работе с больными алкоголизмом лицами, не снятыми с учета (п. 34.2, пп. «а» п. 37.4). Кроме того, в качестве альтернативы индивидуальной профилактической работы за участковыми уполномоченными полиции закреплена обязанность ведения списка, так называемый списочный учет, лиц больных алкоголизмом, представляющих опасность для окружающих. При этом согласно Инструкции (п. 37.4), в отношении данных лиц могут использоваться такие формы профилактического воздействия, как профилактическая беседа и объявление официального предостережения. Также при осуществлении профилактического обхода участковый уполномоченный полиции должен

уделять особое внимание информации о лицах, страдающих наркоманией и алкоголизмом (п. 25.4 Инструкции).

Указанное подтверждает наличие правовых оснований и обязанности участкового уполномоченного полиции осуществлять профилактическую работу с лицами, страдающими алкоголизмом и представляющими опасность для окружающих. Это корреспондирует обязанности полиции согласно п. 35 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции» участвовать совместно с органами здравоохранения в наблюдении за больными алкоголизмом лицам, представляющими опасность для окружающих, в целях предупреждения совершения ими преступлений и административных правонарушений в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

В этой связи в круг задач участкового уполномоченного полиции при проведении профилактической работы по рассматриваемому направлению, как правило, входит:

- проведение бесед с лицами, страдающими от злоупотребления спиртными напитками, совместно с врачом-наркологом, представителями общественности и трудовых коллективов, а также членами семей, иными родственниками и лицами, которые могут оказать на них положительное влияние;
- выявление злостных пьяниц и граждан, страдающих хроническим алкоголизмом, из круга лиц, освобожденных из мест лишения свободы, допускающих правонарушения в семье и быту, оказывающих пагубное влияние на своих детей; осуществление постоянного контроля за поведением вышеуказанных лиц, образом их жизни;
- доведение информации до граждан, страдающих от алкоголизма, а также до членов их семей, близких и родственников о возможности ограничения или даже лишения дееспособности в случаях, когда семья оказалась в тяжелом материальном положении;
- привлечение к административной ответственности таких лиц в случаях совершения правонарушений, предусмотренных КоАП РФ;
- проведение профилактических бесед с подростками, членами их семей, а также близкими, друзьями, лицами, проживающими по соседству, в целях недопущения вовлечения несовершеннолетних в употребление спиртных напитков.

Профилактическая беседа представляется нам основной формой профилактического воздействия на лиц, больных алкоголизмом, и должна быть направлена не только на инфор-

¹ Приказ Минздрава СССР от 12 сентября 1988 г. № 704 «О сроках диспансерного наблюдения больных алкоголизмом, наркоманиями и токсикоманиями» (утратил силу). URL: <http://www.consultant.ru>.

² Приказ Минздрава России от 13 декабря 2018 г. № 877 «О признании не действующим на территории Российской Федерации приказа Министерства здравоохранения СССР от 12 сентября 1988 г. № 704 «О сроках диспансерного наблюдения больных алкоголизмом, наркоманиями и токсикоманиями»». URL: <http://www.consultant.ru>.

мирование, но и на помощь в преодолении конфликтных ситуаций, в лечении от алкогольной зависимости и реабилитации, в трудоустройстве, а также на установление доверительных отношений с правоохранительными органами. При этом выяснение возможных причин сложившейся ситуации позволит преодолеть мнение о ее безысходности.

Профилактическая деятельность участкового уполномоченного полиции, направленная на достижение указанных целей, может состоять из совместной работы с психологами, социальными работниками, а также представителями системы образования и профессиональной реабилитации. Критически важно также создать условия, при которых человек будет иметь возможность восстановить свою репутацию и включиться в общественную жизнь.

Информационная составляющая профилактической беседы должна быть сконцентрирована на сведениях о вреде алкогольных напитков (их воздействии на психику, организм и даже на поведение человека) и на формировании мотивации к социально-психологическому и физическому развитию.

Также следует согласиться с А. Г. Гришаковым, что содержание предполагаемой профилактической беседы должно определяться заранее и в каждом случае индивидуально исходя из имеющихся данных на подучетное лицо, характеризующих его в быту, по месту работы или учебы [2, с. 131].

Профилактическая работа участкового уполномоченного полиции не должна сводиться исключительно к индивидуальной профилактической беседе, важно комплексное воздействие на население в целом и на отдельные социальные группы, формирующее общую правую культуру лиц, проживающих на территории административного участка. В этой связи следует отметить, что выделяют несколько видов и направлений профилактической деятельности, которые применяются в настоящее время. К ним относится работа, проводимая:

- в различных учебных заведениях и трудовых коллективах;
- непосредственно в семьях;
- в клубах по интересам, на собраниях и в иных организованных общественных группах населения;
- с помощью средств массовой информации (телевидение, радио, социальные сети);
- непосредственно в группах риска;
- с лицами, вставшими на путь трезвости, в целях профилактики срывов и рецидивов [3, с. 89].

Также необходимо отметить что профилактическая работа участкового уполномоченного полиции основана исключительно на методе убеждения, что без сопутствующих мер административного принуждения не позволяет достигнуть целей профилактического воздействия. Так, В. И. Холманский в этой связи ссылается на практику советского периода, а именно на эффективное сочетание методов убеждения и принуждения в деятельности участкового инспектора милиции, который помимо индивидуальных профилактических бесед с больными алкоголизмом устанавливал им срок обязательного трудоустройства, а также мог направить материалы для решения вопроса о принудительном частичном ограничении дееспособности либо для принудительного лечения от алкоголизма [4, с. 18]. В этой связи представляется недостаточным государственное принуждение в виде мер административной ответственности, применяемых к таким лицам, если они допустили совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.20 и 20.21 КоАП РФ. Необходимо выработать сопутствующие методу убеждения меры административно-правового принуждения для увеличения эффективности профилактической работы с больными алкоголизмом лицами, допускающими нарушения общественного порядка.

Помимо этого, следует отметить положительное влияние на рассматриваемую проблему существовавшего до 2010 года института медицинских вытрезвителей, который мог бы помочь участковым уполномоченным полиции в вопросах профилактики совершения преступлений и административных правонарушений больными алкоголизмом лицами [5, с. 99]. Медицинские вытрезвители играли важную роль в обществе, помогая людям, оказавшимся в состоянии алкогольного опьянения, быстрее и безопаснее вернуться к нормальному состоянию, исключить их виктимное состояние и возможность совершения ими административных правонарушений и преступлений. В результате их работы повышался уровень безопасности на улицах, в общественном транспорте, на мероприятиях и в других общественных местах, где присутствует риск возникновения инцидентов из-за алкогольного воздействия.

Отдельно следует отметить необходимость проведения профилактической работы с лицами, совершившими преступление в состоянии алкогольного опьянения. Состояние алкогольного опьянения в соответствии с ч. 1.1 ст. 63 УК

РФ может быть признано судомотягчающим обстоятельством, и это в последующем отражается на профилактической работе по социальной реабилитации данных лиц. В частности, в отношении определенной в ст. 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» категории лиц, освобожденных из мест лишения свободы, может устанавливаться административный надзор, который предусматривает обязанность соблюдения установленных судом ограничений. Одним из видов ограничений является запрещение пребывания в определенных местах. Так, если лицо совершило преступление в состоянии алкогольного опьянения, суд вправе рассмотреть вопрос о запрете посещения мест общественного питания, в которых осуществляется продажа алкогольной продукции¹. Обязанности по контролю за соблюдением установленных судом ограничений возлагаются на полицию, в связи с чем участковый уполномоченный полиции должен акцентировать на этом внимание при осуществлении профилактического обхода административного участка.

В заключение следует отметить, что ограничение правовых оснований проведения профилактической работы с больными алкоголизмом лицами, совершившими административные правонарушения, может привести к снижению количественных и качественных показателей профилактической работы участкового уполномоченного полиции, что, безусловно, негативно скажется на общей криминогенной обстановке на административном участке. В этой связи следует также решить рассмотренные выше проблемы правового регулирования данного вида деятельности и рассмотреть вопрос введения дополнительных мер принудительного воздействия на данных лиц, применяемых участковым уполномоченным полиции, которые позволят повысить эффективность проводимых профилактических мероприятий. В то же время для повышения качества своей работы участковый уполномоченный полиции должен индивидуально подходить к каждому подучетному лицу, так как успех профилактического воздействия зависит от умения прогнозировать поведение профи-

лактируемого в зависимости от применения к нему тех или иных мер воздействия.

Библиографический список

1. Холманский В. И., Стульнова Т. В. Актуальные проблемы административно-правового регулирования индивидуальной профилактической работы участковых уполномоченных полиции // Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции 27 сентября 2019 г., СПб, 27 сентября 2019 г. / сост. Р. Ю. Аврутин, Т. В. Стульнова. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 319–325.

2. Гришаков А. Г. Деятельность участкового уполномоченного полиции по осуществлению индивидуальной профилактической работы в жилом секторе административного участка // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2024. № 24. С. 130–132.

3. Сирота Н. А., Ялтонский В. М. Профилактика наркомании и алкоголизма: учебное пособие. Издательский центр «Академия». М., 2003. С. 89.

4. Холманский В. И., Стульнова Т. В. Правовое регулирование индивидуальной профилактической работы, осуществляемой участковыми уполномоченными полиции в отношении отдельных категорий лиц: ретроспективный анализ // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 2 (38). С. 17–24.

5. Савраскин С. Н. Медицинские вытрезвители как механизм профилактики преступлений и административных правонарушений: история развития и предпосылки восстановления института // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2024. № 1 (46). С. 95–100.

References

1. Kholmansky V. I., Stulnova T. V. Actual problems of administrative and legal regulation of individual preventive work of district police officers // Administrative and legal regulation of public order protection and public safety: problems and solutions: Proceedings of the annual interuniversity scientific and practical conference September 27, 2019, St. Petersburg, September 27, 2019 / compiled by R. Yu. Avrutin, T. V. Stulnova. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. Pp. 319-325.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 N 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

2. Grishakov A. G. Activities of a district police officer in carrying out individual preventive work in the residential sector of an administrative area // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2024. No. 24. Pp. 130-132.

3. Sirota N. A., Yaltonsky V. M. Prevention of drug addiction and alcoholism: a tutorial. Publishing center «Academy». Moscow, 2003. Page 89.

4. Kholmansky V. I., Stulnova T. V. Legal regulation of individual preventive work carried out by district police officers in relation to certain categories of persons: a retrospective analysis // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (38). Page 17-24.

5. Savraskin S. N. Medical sobering-up centers as a mechanism for preventing crimes and administrative offenses: history of development and prerequisites for the restoration of the institute // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1 (46). Page 95-100.

Информация об авторах

Литвин Илья Ильич – кандидат юридических наук

Information about the authors

Litvin Ilya I. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 30.09.2024;
одобрена после рецензирования 12.11.2024;
принята к публикации 20.12.2024

The article was submitted 30.09.2024;
approved after reviewing 12.11.2024; accepted
for publication 20.12.2024

Научная статья

УДК 343.8

Административное выдворение за пределы Российской Федерации как эффективная мера предупреждения миграционной преступности

Макарова Юлия Альтафовна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
Kar-zarad@yandex.ru

Аннотация. В данной статье раскрывается административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства как один из наиболее эффективных и действенных механизмов противодействия миграционной преступности. В частности, автором акцентируется внимание на изменении законодательства с 5 февраля 2025 г., направленном на расширение компетенций органов внутренних дел. Допускается, что данные изменения могут привести к некоторым сложностям при взаимодействии полиции с Федеральной службой судебных приставов Российской Федерации ввиду отсутствия четко прописанного на законодательном уровне механизма исполнения административного выдворения за пределы РФ в форме принудительного выдворения за пределы РФ. Также автором представлен анализ реализации административного выдворения за пределы РФ несовершеннолетних иностранных граждан, раскрываются подлежащие при этом выяснению обстоятельства. На основе анализа нормативных актов, правоприменительной практики и научных взглядов автор приходит к выводу о необходимости формирования Порядка межведомственного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти при исполнении указанного вида административного наказания и дополнения Перечня обстоятельств, подлежащих установлению по каждому делу об административном правонарушении (ст. 26.1 КоАП РФ) частью, которая предусматривала бы ситуацию, когда лицо, совершившее административное правонарушение, является несовершеннолетним иностранным гражданином или лицом без гражданства, что позволит повысить уровень работы по предупреждению миграционной преступности.

Ключевые слова: административное выдворение за пределы РФ, миграционная преступность, иностранный гражданин, несовершеннолетний иностранный гражданин, противодействие незаконной миграции, принудительное выдворение за пределы РФ, контролируемый самостоятельный выезд мигрантов из РФ

Для цитирования: Макарова Ю. А. Административное выдворение за пределы Российской Федерации как эффективная мера предупреждения миграционной преступности // На страже закона. 2024. № 4. С. 37–41.

Original article

© Макарова Ю.А., 2024

Administrative expulsion from the Russian Federation as an effective measure to prevent migration crime

Makarova Yulia A.

**Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
Kap-zapad@yandex.ru**

Abstract. This article reveals the administrative expulsion of foreign citizens and stateless persons from the Russian Federation as one of the most effective and efficient mechanisms for countering migration crime. In particular, the author focuses on the change in legislation from February 5, 2025, aimed at expanding the competencies of internal affairs bodies. It is assumed that these changes may lead to some difficulties in the interaction of the police with the Federal Bailiff Service of the Russian Federation due to the lack of a proper legislative mechanism for the execution of administrative expulsion from the Russian Federation in the form of forced expulsion from the Russian Federation. The author also presents an analysis of the implementation of the administrative expulsion of minor foreign citizens from the Russian Federation, discloses the circumstances to be clarified in this case. Based on the analysis of normative acts, law enforcement practice and scientific views, the author comes to the conclusion that it is necessary to form an Order of interdepartmental interaction of federal executive authorities in the execution of this type of administrative punishment and to supplement the List of circumstances to be established in each case of an administrative offense (art. 26.1 of the Administrative Code of the Russian Federation) a part that would provide for a situation where the person who committed an administrative offense is a minor foreign citizen or a stateless person, which would increase the level of work on the prevention of migration crime.

Keywords: administrative expulsion from the Russian Federation, foreign citizen, minor foreign citizen, counteraction to illegal migration, forced expulsion from the Russian Federation, controlled independent departure of migrants from the Russian Federation

For citation: Makarova Yu. A. Administrative expulsion from the Russian Federation as an effective measure to prevent migration crime // Law Enforcement. 2024. № 4. Pp. 37–41.

Миграционные процессы, происходящие на территории Российской Федерации, нуждаются в трансформации и глобальном изменении. Об этом неоднократно заявлял председатель Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ) генерал-майор юстиции Бастрыкин Александр Иванович. Согласно статистическим данным, представленным в его выступлении, количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства (далее – мигрантами) в 2023 и 2024 гг. увеличилось, в частности, рост коснулся преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, экономических и экстремистских составов преступлений, а также преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их ана-

логов¹. В 2023 г. зарегистрировано около 40 тыс. преступлений. За 4 месяца 2024 г. 1 млн 200 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства прибыло только в Москву, в Подмосковье – 880 тыс., в Санкт-Петербург – 860 тыс. По стране общее число мигрантов, по сведениям главы СК РФ, колеблется в диапазоне 13–14 млн человек.

Также о проблемах миграционной политики в Российской Федерации (далее – РФ, России) заявлял Глава нашего государства² с при-

¹ Официальный сайт «Газета Коммерсант». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6792117> (дата обращения: 27.09.2024).

² Официальный сайт РБК. URL: https://www.rbc.ru/rbc_freenews/66632b6f9a79476dd1633476 (дата обращения: 27.09.2024).

зывают к необходимости обсуждения данных вопросов.

Особое опасение вызывают показатели преступности среди несовершеннолетних мигрантов. Так, по официальным данным, опубликованным в телеграмм-канале СК РФ в октябре 2024 г., «количество преступлений, совершенных несовершеннолетними мигрантами увеличилось на 10 %. Причем, более чем в два раза (с 53 до 108) возросло число особо тяжких деяний, совершенных ими¹.

Как правило, детерминантами миграционной преступности в настоящее время выступают: социальная неустроенность, отсутствие стабильного заработка, невозможность оплаты места проживания, правовой нигилизм в отношении законодательства нашей страны и т. д.²

Полагаем, что применение предупредительных, императивных мер к несовершеннолетним иностранным гражданам и лицам без гражданства позволило бы снизить уровень преступных деяний, совершенных ими на территории России, тем самым повлиять на улучшение криминогенной обстановки. Ведь несовершеннолетний правонарушитель-мигрант сегодня, это завтра взрослый преступник-мигрант.

Одной из самых действенных мер предупреждения миграционной преступности по отношению несовершеннолетних мигрантов, по нашему мнению, выступает административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – административное выдворение за пределы РФ). Данная мера способствует удалению допустивших нарушение законодательства лиц с территории России, минимизируя экономические вложения в деятельность субъектов профилактики и иных структур, задействованных в процессе перевоспитания несовершеннолетних мигрантов путем привития им традиционных ценностей граждан России, перечисленных в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации 9 ноября 2022 г. № 809³.

¹ Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1921268> (дата обращения: 29.09.2024).

² Там же.

³ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 29.09.2024).

Вместе с тем в настоящее время административное наказание в виде административного выдворения за пределы РФ в отношении несовершеннолетних мигрантов применяется крайне редко. Рассмотрим указанный вопрос более подробно в части новелл, связанных с административным выдворением за пределы РФ, и в части особенностей применения данного наказания к несовершеннолетним мигрантам.

Согласно Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) административное выдворение за пределы РФ реализуется на сегодняшний день в двух формах: принудительное и контролируемое перемещение мигрантов через Государственную границу РФ за пределы страны (именуемое законодателем – принудительное выдворение за пределы РФ) и контролируемый самостоятельный выезд мигрантов из РФ⁴.

Следует различать субъектов, которые назначают данное наказание и исполняют его. Назначать административное выдворение за пределы РФ до 5 февраля 2025 г. (до момента вступления в силу Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»⁵) вправе судьи и пограничные органы. С 5 февраля 2025 г. полномочиями по административному выдворению за пределы РФ будут наделены органы внутренних дел в лице должностных лиц, перечисленных в п. 1, 2, 10–12 ч. 2 ст. 23.3 и ч. и ч. 2 ст. 23.10 КоАП РФ⁶.

Данные изменения, на наш взгляд, были связаны с ужесточением мер контроля в отношении мигрантов в части соблюдения ими норм миграционного законодательства, и, как следствие, выявления большого числа нарушений в указанной сфере, что привело к значительному увеличению нагрузки на судей и переполненности центров временного содержания иностранных граждан.

ния: 29.09.2024).

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 29.09.2024).

⁵ Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 14 августа 2024 г. № 179.

⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 29.09.2024).

Касаемо субъектов, исполняющих административное наказание в виде административного выдворения за пределы РФ, следует подчеркнуть, что согласно ст. 32.7 КоАП РФ к ним относятся:

1. Пограничные органы при совершении мигрантами административных правонарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 18.1, ч. 1.1 ст. 18.2 и ч. 2 ст. 18.4 КоАП РФ.

2. Федеральная служба судебных приставов РФ при назначении судьей рассматриваемого наказания в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации (с 5 февраля 2025 г. также при назначении органом или должностным лицом органа внутренних дел).

3. Подразделения миграции органов внутренних дел РФ в форме контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации.

Возникают вопросы, связанные с особенностями взаимодействия органов внутренних дел и Федеральной службы судебных приставов РФ при исполнении административного выдворения за пределы РФ в форме принудительного выдворения за пределы РФ (с 5 февраля 2025 г.). Галястовым М. О. справедливо отмечено, что на сегодняшний день имеется необходимость «нового порядка межведомственного взаимодействия» при исполнении постановления об административном выдворении за пределы РФ [1, с. 34]. Полагаем, что в перспективе появится совместный ведомственный акт, который детально урегулирует вопросы взаимодействия двух ведомств при исполнении данной меры административного наказания.

Вопросы же административного выдворения за пределы РФ несовершеннолетних мигрантов вызывают на сегодняшний день значительные затруднения. Рассмотрим, в чем это заключается.

Согласно ч. 1 ст. 2.3 КоАП РФ административное наказание не может быть применено к лицу, не достигшему возраста административной ответственности, – 16 лет. Соответственно, до 16 лет несовершеннолетний не может быть выдворен с территории РФ, а может быть лишь перемещен совместно с родителями или одним из родителей, которым назначена рассматриваемая мера административного наказания (до выдворения родителей ребенок размещается в Центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей либо в социальном учреждении для детей, оставшихся без попечения родителей). Касаемо несовершеннолетних мигрантов в возрасте от 16

до 18 лет: казалось бы, их можно выдворить за пределы РФ, однако в правоприменительной практике присутствуют определенные сложности. Раскроем в чем они заключаются.

В соответствии с ч. 1 ст. 23.2 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, рассматривают комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, которые не могут назначить наказание в виде выдворения за пределы РФ, так как не обладают такими полномочиями. Такая позиция законодателя позволяет законным представителям несовершеннолетних мигрантов заявлять ходатайство о рассмотрении дела об административном правонарушении комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав и быть уверенными, что оно будет одобрено.

Интересным представляется, что органы внутренних дел вправе принимать решение о направлении материалов в суд для рассмотрения и решения вопроса о применении административного наказания в виде административного выдворения за пределы РФ. Судья при рассмотрении такого дела в отношении несовершеннолетнего мигранта обязан учитывать нормы постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»¹ (п. 23.1), согласно которым выдворение лица из страны, где проживают члены его семьи, может нарушать право на уважение семейной жизни, гарантированное п. 1 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.²

До 2022 г. суды не принимали решение о вынесении административного наказания в виде административного выдворения за пределы РФ в отношении несовершеннолетних мигрантов в виду необходимости соблюдения требований Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и иных международных норм.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 29.09.2024).

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Рим 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013). Документ прекратил действие в отношении России с 16 марта 2022 г. (Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ) // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 29.09.2024).

Вместе с тем 16 марта 2022 г. Российская Федерация прекратила членство в Совете Европы, соответственно, наша страна перестала являться Высокой Договаривающейся Стороной [2], и действие некоторых международных договоров было прекращено¹.

Обобщение правоприменительной практики регионов России позволило прийти к определенным выводам. Так, должностные лица и органы внутренних дел при направлении материалов в суд, а также судьи при назначении наказания в отношении несовершеннолетних мигрантов на сегодняшний день учитывают следующие обстоятельства:

1. Присутствует ли действительная необходимость выдворения несовершеннолетнего мигранта.

2. Насколько существенно нарушение, совершенное несовершеннолетним мигрантом (повторность деяния, наличие обстоятельств, отягчающих ответственность, и т. д.).

3. Где проживают законные представители несовершеннолетнего мигранта (в случае, если они на законном основании проживают в России и не совершали противоправных деяний, то выдворение представляется невозможным).

4. Имели ли место быть особенности при въезде мигранта на территорию России.

5. Находятся ли иные, кроме законных представителей, члены семьи на территории России (к примеру, дети, супруги).

6. Присутствуют ли в месте, куда выдворяется несовершеннолетний мигрант, его родственники, и имеется ли у него в родной стране место проживания.

Таким образом, при назначении наказания несовершеннолетним мигрантам суды учитывают баланс публичных и частных интересов. Вместе с тем установление в каждом конкретном случае судом вышеописанных обстоятельств требует значительных временных затрат, что в свою очередь предполагает затраты административных ресурсов государственного аппарата.

Соответственно, анализ нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы административного выдворения за пределы РФ, статистических данных, отражающих показатели преступности иностранных граждан и лиц без гражданства, научных воззрений по рассматриваемой теме позволяет сделать

вывод о том, что в настоящее время назрела реальная необходимость трансформации законодательства, регламентирующего вопросы административного выдворения за пределы РФ. В частности, следует предусмотреть порядок межведомственного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти при исполнении указанного административного наказания и дополнить Перечень обстоятельств, подлежащих установлению по каждому делу об административном правонарушении (ст. 26.1 КоАП РФ), в части, которая предусматривала бы ситуацию, когда лицо, совершившее административное правонарушение, является несовершеннолетним иностранным гражданином или лицом без гражданства.

Библиографический список

1. Галястов М. О. Проблемы исполнения постановления об административном выдворении в рамках реализации функций органов внутренних дел // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 8. С. 34.

2. Глухов Е. А. Публичное оправдание терроризма: направленность умысла, целей и самооценка со стороны преступника // Уголовное право. 2024. № 9. С. 32.

References

1. Galyastov M. O. Problems of execution of the order on administrative expulsion within the framework of the implementation of functions of internal affairs bodies // State power and local self-government. 2024. No. 8. P. 34.

2. Glukhov E. A. Public justification of terrorism: the direction of intent, goals and self-esteem on the part of the offender // Criminal law. 2024. No. 9. P. 32.

Информация об авторе

Макарова Юлия Альтафовна – кандидат юридических наук

Information about the author

Makarova Yulia A. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 30.09.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 20.12.2024

The article was submitted 30.09.2024; approved after reviewing 12.11.2024; accepted for publication 20.12.2024

¹ Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 29.09.2024).

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Научная статья
УДК 343.3/7

Определение категорий «нацизм», «фашизм» и «реабилитация» применительно к статье 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации

Макеева Ирина Сергеевна¹, Назарова Виктория Анатольевна²

^{1,2}Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

¹i.suhanova@bk.ru

²vika.naz2015@yandex.ru

Аннотация. В статье авторами анализируются понятия «нацизм», «фашизм» и «реабилитация» применительно к уголовно-правовой норме, предусматривающей ответственность за реабилитацию нацизма. Рассматриваются попытки толкования данных терминов применительно к статье 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Отдельно раскрывается соотношение терминов «фашизм» и «нацизм», а также оценивается уровень понимания их гражданами. Авторами высказывается необходимость разъяснения категории «нацизм» применительно к ст. 354.1 УК РФ, а также выдвигается идея о внесении изменений в наименование данной статьи уголовного закона.

Ключевые слова: реабилитация нацизма, уголовная ответственность за реабилитацию нацизма, фашизм, нацизм

Для цитирования: Макеева И. С., Назарова В. А. Определение терминов «нацизм», «фашизм» и «реабилитация» применительно к статье 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // На страже закона. 2024. № 4. С. 42–48.

Original article

Definition of the terms «nazism», «fascism» and «rehabilitation» in relation to Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

Makeeva Irina S.¹, Nazarova Victoria A.²

^{1,2}Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia

¹i.suhanova@bk.ru

²vika.naz2015@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the concepts of «Nazism», «fascism», and «rehabilitation» in the context of the criminal law provision that establishes liability for the rehabilitation of Nazism. The authors examine attempts to interpret these terms concerning Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is given to the relationship between the terms «fascism» and «Nazism», as well as to the level of public understanding of these definitions. The authors argue for the need to clarify the category of «Nazism» as it applies to Article 354.1 of the Criminal Code and propose amendments to the title of the article.

Keywords: rehabilitation of Nazism, criminal liability for the rehabilitation of Nazism, fascism, Nazism

For citation: Makeeva I. S., Nazarova V. A. Definition of the terms «Nazism», «fascism», and «rehabilitation» in relation to Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Law Enforcement. 2024. № 4. Pp. 42–48.

Возрастание антисоветских и русофобских настроений, подмена исторических фактов, обнищание ценностей в сознании граждан, «заражение» молодежи националистическими настроениями, а также популяризация идеологии насилия подтверждают актуальность и необходимость исследования заявленной темы.

Сравнительно недавно неонацистская активность казалась практически невозможной в современном мире, ведь колоссальные утраты времен Второй мировой войны невосполнимы. К сожалению, исторические факты того времени поддаются искажению, истинные ценности меняются. В США, Канаде, зарубежных странах, входящих в Европейский Союз, и на Украине происходит оправдание и идеализация военных преступников и все чаще поддерживается идеология расового насилия. Такие явления происходят и на территории нашей страны, являющейся правопреемницей СССР. При этом негативное влияние оказывается непосредственно на молодое поколение как социальную группу, которая проще всего поддается деструктивному воздействию, и как личность, которая находится лишь в стадии формирования. Наблюдается неонацистская реинкарнация, которая напрямую взаимосвязана с под-

меной истинных исторических фактов времен Второй мировой войны иностранными государствами. На воинов-освободителей, обеспечивших благополучное будущее и мирное небо над головой своих потомков, сейчас навешиваются ярлыки захватчиков и оккупантов.

Политический переворот на Украине в 2014 г. спровоцировал всплеск националистических настроений на территории этого государства. Ни для кого не секрет, что на территории этой страны массово создавались неонацистские вооруженные формирования, поддерживались лидеры радикальных нацистских организаций, открыто велась экстремистская деятельность.

Надо сказать, что привычное положение дел начало меняться еще в XX в. Ситуация обострилась в период развала СССР. Экономический коллапс, катастрофическое обнищание основной массы населения в 1990-е гг. породили острое недовольство в обществе. Одновременно с этим наступил период спада «железного занавеса», проявлений полной свободы слова и вседозволенности, что привело к зарождению радикальных мыслей у граждан, а также к поиску виновных в лице национальных меньшинств, «инородцев». В итоге только

что созданное государство сталкивается с повышением уровня экстремизма и подъемом нацистского движения. В стране появляются экстремистские организации, не скрывающие своей цели – захват государственной власти и установление неонацистской пропаганды.

В 2000-х гг. происходят значительные изменения. Именно этот период можно охарактеризовать, как период стабилизации государственной власти. Государство обращает особое внимание на экстремистские проявления, которые признаются угрозой национальной безопасности. Принимается ряд антиэкстремистских законов, вносятся соответствующие изменения в Уголовный кодекс РФ (далее по тексту – УК РФ). Но в это же время среди молодежи становятся популярными движение скинхедов, субкультуры, поддерживающие радикальные ультраправые и националистические взгляды. Такое маргинальное влияние также несло угрозу общественной безопасности страны.

В 2014 г. ситуация усугубилась ввиду открытого проявления неонацизма в странах Европы (таких как Латвия) и на Украине, где происходит факельное шествие в честь Бандеры и последующий государственный переворот. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным отмечено, что «к сожалению, "вакцина" от нацистского вируса, выработанная на Нюрнбергском трибунале, в некоторых государствах Европы теряет силу. Особое беспокойство в этом плане вызывает ситуация на Украине, где произошел антиконституционный государственный переворот, движущей силой которого стали националисты и другие радикальные группировки»¹.

Одновременно с этим возникает новое молодежное движение «Правый Андеграунд», участники которого превозносят славянский род, а также продвигают ненависть к национальным меньшинствам, поддерживают насилие в их сторону. Их символом становится «коловрат» в виде двойной свастики, символизирующий в русском неонацизме древнеславянский род. Усугубляется ситуация активным использованием интернета, которому присущи такие черты, как оперативность, возможность донести информацию до неограниченного круга лиц и вовлечь в противоправную деятельность молодое поколение.

Политико-правовой реакцией государства на проявления нацистской активности ста-

ло введение Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ ответственности за реабилитацию нацизма.

На настоящий момент следует признать, что в доктрине не выработано определение категории «нацизм» применительно к целям уголовного законодательства и слабо изучены факторы криминализации этого деяния. Складывающаяся судебная практика не всегда верно отражает политико-юридический смысл данной нормы. Не способствует устранению правоприменительных трудностей и отсутствие устоявшейся научной позиции относительно понимания объективных и субъективных признаков этого состава преступления, его квалифицированных видов. Требуют устранения имеющиеся в ст. 354.1 УК РФ законодательные дефекты.

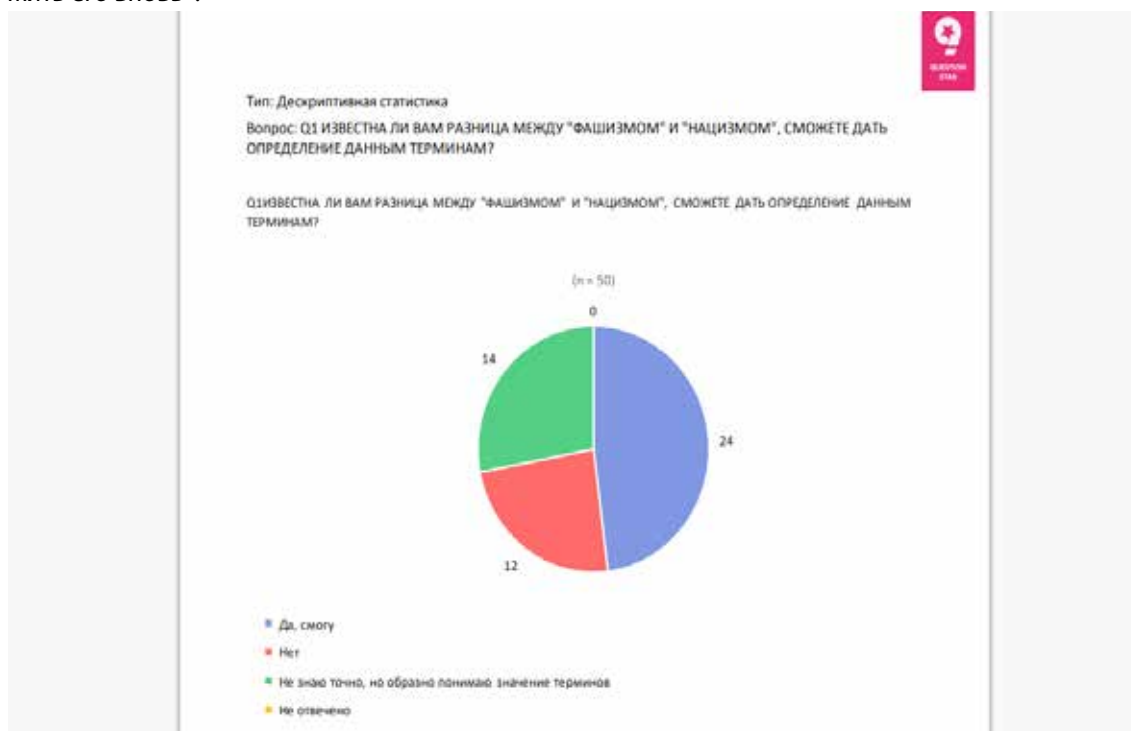
В отечественной и зарубежной литературе существует масса трудов, посвященных пониманию нацизма (фашизма) как социально-политического феномена, формы государственного устройства, философско-политического культа, а также большое количество работ об истоках нацизма, его влиянии на мировые экономические и политические события и процессы. Понятно, что в силу исторических причин ключевое внимание уделяется германскому нацизму периода конца 1920–40-х гг., а также нацистским и сходным с ним проявлениям в других государствах. Объектами пристального философского, политологического, социологического изучения стали феномен неонацизма в современном мире и меры противодействия неонацистской деятельности в самых различных аспектах существования государств и обществ.

Как уже отмечалось, федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ введена ст. 354.1 УК РФ, предполагающая ответственность за реабилитацию нацизма. Но при этом до сих пор в уголовно-правовой доктрине не выработано единой категории «нацизм», что усложняет правоприменительную деятельность, а в ряде случаев и понимание гражданами сущности данной статьи. Надо сказать, что в настоящее время уровень осознанности и образованности граждан в сфере радикальной идеологии находится на низком уровне, все больше исторических фактов умышленно искажается. «Фашист» и «нацист» – эти два слова кажутся уместными только в учебниках истории, но, к сожалению, они актуальны и сегодня. Для многих из нас эти слова ассоциируются с диктаторами XX в., но истинного представления о соотношении данных терминов между собой нет

¹ Владимир Путин: «Вакцина» от нацизма начинает терять силу в Европе. URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 12.09.2024).

не только в сознании молодого поколения, но и в понимании людей более зрелого возраста. Уместным в данном случае представляется тезис Джорджа Сантаяна – «тот, кто не помнит своего прошлого, обречен на то, чтобы пережить его вновь».

В целях определения уровня понимания терминов «нацизм» и «фашизм» и их соотношения между собой, проведен социологический опрос среди более 50 пользователей сети Интернет при помощи сервиса «QuestionStar»:

Итак, более половины участников не смогли дать четкого определения указанных терминов, а 30 % опрошиваемых в целом не понимают, что означают данные дефиниции. Это еще раз подтверждает, насколько важно законодателю выработать и разъяснить соответствующее определение, которое будет способствовать лучшему пониманию сущности рассматриваемого деяния, запрещенного ст. 354.1 УК РФ. Для того чтобы понять истинное значение и соотношение данных терминов, необходимо обратиться к их истории и этимологии.

Несмотря на многочисленные исследования заявленной темы со стороны правоведов, политологов, социологов, единого научного подхода к трактовке и разграничению терминов так и не разработано. Нацизм как вид экстремизма не является новым явлением. Начиная с 1933 г., Адольф Гитлер и нацистская партия проводили расистскую идеологию, направленную на перестройку мира по расовому признаку. В конечном итоге это привело к мировой войне, бесчисленным военным преступлениям и преступлениям против человечности. Идеи нацизма, называемые также национал-социализмом, были основой идеологии

немецкой нацистской партии («Национал-социалистическая немецкая рабочая партия»). Первоначально небольшая баварская партия «Немецкая рабочая партия», основанная в 1919 г. и возглавляемая Антоном Дрекслером, оказалась под диктаторским харизматичным руководством Адольфа Гитлера [1, с. 45]. Одно из наиболее распространенных первоначальных представлений о национал-социализме после 1945 года, особенно на Западе, сводилось к мнению о его нигилистической силе, подчеркивающей бандитскую политику, культ насилия и антиинтеллектуализм. С другой стороны, ученые-марксисты с 1920-х годов утверждали, что это была форма фашизма и своего рода террористическая защита капиталистического правления от революционного рабочего класса [2, с. 5]. Это связано с основными спорами относительно сущности нацизма после Второй мировой войны: понимать ли его как часть более широкого развития европейской истории, например, как подкатегорию фашизма, или как особый путь исторического развития Германии? Сторонники первой точки зрения ссылаются на предполагаемые общие черты фашизма – культ насилия, ультранационализм, эстетизация политики и харизматич-

ное лидерство, в то время как сторонники второй точки зрения считают, что такие черты, как антисемитизм и биологический расизм, а также кампания геноцида нацистской Германии выделяют его историческую уникальность [3, с. 123]. Удивительно, что это не помешало ученым в целом выделить особый вид неонацизма в послевоенный период. Полное поражение нацистской Германии во Второй мировой войне и последующий процесс денацификации на Западе ни в коем случае не привели к полному отстранению нацистских ветеранов от власти в послевоенном обществе, в то время как многие другие были завербованы западными державами и участвовали в борьбе против коммунизма времен «холодной войны». Но события Второй мировой войны (и Холокост, в частности) полностью исключили национал-социалистическую идеологию, а группы, называющие себя национал-социалистическими, умышленно ассоциировали свою деятельность с массовым насилием и геноцидом и автоматически относились к остающимся в современности маргинальным явлениям. Но идеи национал-социализма оказались весьма устойчивыми, поскольку собственные образы гитлеровского режима продолжали играть ключевую роль в определении послевоенных представлений о нем.

Для верного понимания соотношения указанных категорий необходимо разобраться в сущности идеологии фашизма. Первые упоминания слова «фашизм» относятся примерно к 20-м гг. прошлого века. Оно происходит от итальянского «fascismo», что означает «политическая группа». Муссолини объединил эти небольшие политические группы в политическую партию «Partito Nazionale Fascista» – Национальную фашистскую партию. Фашизм и итальянское «fascio» в конечном счете происходят от латинского «fascis», что означает «связка». В Древнем Риме фасции представляли собой связку прутьев с торчащим лезвием топора. Это использовалось как символ власти государственного чиновника. Итальянские фашисты вернули фасции в качестве символа своего вида национализма, который стал известен как фашизм. Как идеология, фашизм обычно основывается на крайнем национализме и оппозиции к демократии и либерализму. На практике фашизм вращается вокруг правителя, который силой абсолютной власти подавляет индивидуальную свободу граждан, полностью подчиняя каждого власти государства, в том числе насильственными методами. Фашистское правительство свою деятельность строит на исполь-

зовании вооруженной силы против граждан. Фашизм часто считают формой тоталитаризма, при которой правительство контролирует каждое направление обычной жизни.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод об основных различиях между двумя идеологиями. Нацизм является проявлением фашизма, но имеет свои характерные черты – радикальный расизм, превозносящий арийскую расу, и способность к истреблению остального неугодного данной идеологии населения. Фашизм нацелен исключительно на формирование одного целостного государства и влияет на граждан с целью тотального контроля над всеми сферами их жизни, нацизм же выходит за пределы одного государства, считая его лишь «сосудом для достижения цели». Нацизму свойственно создание вооруженных банд и организаций для убийств и нападений на население, не принимающее такую идеологию, что придает ему экстремистские черты. Также стоит отметить, что в большинстве законодательных актов Европы запрещена нацистская символика в виде свастики, тогда как фасции фашизма разрешены по сей день. Именно геноцид, целью которого является уничтожение группы «иных» людей, отличает нацизм от всех аналогичных проявлений и обосновывает наличие ст. 354.1 УК РФ в разделе преступлений против мира и человечества. На наш взгляд, наиболее точное определение нацизма дано в Большом словаре иностранных слов: это «наиболее радикальное политическое течение, стремящееся под лозунгом борьбы за интересы коренной нации, любыми средствами, вплоть до террористических, захватить власть и полностью или частично ликвидировать оппозиционные партии» [4].

Дискуссия возникает и относительно такого понятия, используемого законодателем в наименовании статьи, как «реабилитация». Если обратиться к историко-этимологическому словарю латинских заимствований, то это слово имеет множество значений, но нас интересуют исключительно юридические. Прежде всего, даются такие значения как «восстановление чести, репутации неправильно обвиненного или опороченного лица» и «восстановление (по суду или административном порядке) в прежних правах» [5, с. 151].

По смыслу п. 34 ст. 5 УПК РФ реабилитация – это восстановление прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещение причиненного ему вреда. Представляется, что данные определения не применимы к объек-

тивной стороне рассматриваемого преступления.

Также стоит обратить внимание, что до принятия поправок в УК РФ 25 марта 2013 г. предлагался законопроект № 246071-6 «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников, отрицанию Холокоста», где прописывали основные понятия, которые, на наш взгляд, наиболее точно передающие характер рассматриваемых терминов применительно к ст. 354.1 УК РФ. Так, нацизм определен как тоталитарная идеология (доктрина) и практика ее применения гитлеровской Германией, ее союзниками и сателлитами в период с 1933 по 1945 гг., связанная с тоталитарными террористическими методами власти, официальной градацией всех наций по степени полноценности, пропагандой превосходства одних наций над другими, сопровождавшаяся преступлениями против мира, военными преступлениями, преступлениями против человечности, геноцидом, признанными таковыми Международным военным трибуналом для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси.

А под реабилитацией нацизма, в свою очередь, понимались действия, выражающиеся в восстановлении в правах, присвоении государственных или общественных наград, а также в установлении иных государственных или общественных мер поощрения в отношении нацистских преступников и их пособников, в том числе присвоение их имен улицам и площадям, населенным пунктам и иным географическим объектам, предприятиям, учреждениям и организациям, единицам боевой техники, установление в их честь праздничных дат. К реабилитации отнесено в данном законопроекте и публичное оправдание идеологии и практики нацизма, признание их правильными, нуждающимися в поддержке и подражании, а также публичное распространение идеологии нацизма, публичное одобрение или отрицание преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, установленных приговором Международного военного трибунала, а также приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанных на приговоре Международного военного трибунала.

Используемые в представленном законопроекте формулировки кажутся нам наиболее верными в части использования такой категории, как одобрение. Более того, в действующем УК РФ такой подход находит свое отражение

применительно к запрету еще одной деструктивной идеологии, а именно, к запрещенному в ст. 205.2 УК РФ публичному оправданию терроризма, под которым понимается «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильным, нуждающимся в поддержке и подражании». Представляется, что использование данной формулировки в уголовном составе, запрещающем нацистскую деятельность, будет соответствовать содержанию уголовно-правовой нормы. В связи с изложенным представляется справедливым внести изменения в наименование исследуемой статьи и представить его в новой редакции – «Публичное оправдание нацизма». Использование указанных дефиниций и их сочетание не искажает восприятия, сущности и даже этической составляющей противоправного деяния, запрещенного в ч. 1 ст. 354.1 УК РФ.

Таким образом, несмотря на то, что норма о «Реабилитации нацизма» не является новой, ее восприятие как со стороны правоохранительных органов, так и со стороны граждан до сих пор остается затруднительным. Необходимо ввести разъяснение относительно категории «нацизм» применительно к ст. 354.1 УК РФ, а также внести изменения в наименование данной нормы уголовного закона.

Библиографический список

1. Изн Кершоу. Гитлер: 1889–1936. Высокомерие. Лондон: Norton, 2000. С. 45.
2. Роджер Гриффин. Фашизм // Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 1995. 5 с.
3. Фрай Н. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти. Германия, 1933–1945. М., 2009. 123 с.
4. Большой словарь иностранных слов. URL: <https://gufo.me> (дата обращения: 18.09.2024).
5. Тамерьян Т. Ю. Историко-этимологический словарь латинских заимствований. Владикавказ, 2009. 151 с.

References

1. Ian Kershaw. Hitler: 1889–1936. Arrogance. London: Norton, 2000. P. 45.
2. Roger Griffin. Fascism // Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 5
3. Fry N. The Fuhrer's State. The National Socialists are in power. Germany, 1933–1945. M., 2009. 123 p.
4. Big dictionary of foreign words. URL: <https://gufo.me> (date of access: 09/18/2024).

5. Tamerian T. Y. Historical and etymological dictionary of Latin borrowings. Vladikavkaz, 2009. 151 p.

Информация об авторах

Макеева Ирина Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

Makeeva Irina S. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 30.09.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 20.12.2024

The article was submitted 30.09.2024; approved after reviewing 12.11.2024; accepted for publication 20.12.2024

Научная статья

УДК 343.2

Проблемы унификации терминологического аппарата уголовного закона в сфере оборота оружия, имеющего культурную ценность

Пушкарев Артемий Леонидович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,

apushkarev38@mvd.ru

Аннотация. В статье ставится проблема унификации терминологического аппарата в области правового регулирования оборота оружия, имеющего культурную ценность, и охраны соответствующих общественных отношений уголовно-правовыми средствами. Указываются конституционные термины, имеющие основополагающее значение и термины, используемые в уголовном законе и законодательстве об обороте оружия.

Ключевые слова: правовой термин; культурная ценность; оборот оружия; оружие, имеющее культурную ценность

Для цитирования: Пушкарев А. Л. Проблемы унификации терминологического аппарата уголовного закона в сфере оборота оружия, имеющего культурную ценность // На страже закона. 2024. № 4. С. 49–53.

Original article

Problems of unification of the terminological apparatus of criminal law in the sphere of circulation of weapons of cultural value

Pushkarev Artemy L.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,

apushkarev38@mvd.ru

Abstract. The article poses the problem of unifying the terminological apparatus in the field of legal regulation of the circulation of weapons of cultural value and the protection of relevant social relations by criminal law means. Constitutional terms of fundamental importance and terms used in criminal law and gun laws are indicated.

Keywords: legal term; cultural value; arms trafficking; weapons of cultural value

For citation: Pushkarev A. L. Problems of unification of the terminological apparatus of criminal law in the sphere of circulation of weapons of cultural value // Law Enforcement. 2024. № 4. Pp. 49–53.

© Пушкарев А.Л., 2024

Уголовное законодательство призвано обеспечить эффективную защиту наиболее значимых общественных отношений от нарушений. В этом смысле в системе правового регулирования оно выполняет обеспечивающую, служебную роль. Отсюда вытекает очень важное следствие – категориальный аппарат уголовного права должен опираться на терминологию той отрасли материального права, чьи регулируемые отношения оно охраняет. В самом широком смысле речь идет о единстве (унификации) категориального аппарата материальных и охранительных отраслей права, об универсальном межотраслевом единстве правовой терминологии.

Можем ли мы сказать, что данное требование строго соблюдается в отечественном праве в целом и сфере оборота оружия, имеющего культурное значение в частности? К сожалению, нет. Судебная практика, многочисленные научные публикации и опыт общения с представителями профессиональных сообществ говорят о том, что в этой сфере имеются пробелы и противоречия [1]. Это негативно отражается на правовом регулировании сферы оборота оружия, имеющего культурную ценность и уголовно-правовой охране соответствующих общественных отношений.

Основы правового регулирования общественных отношений в сфере оборота культурных ценностей закреплены в Конституции Российской Федерации¹. К конституционным в исследуемой области относятся термины «культурная ценность», «памятники истории и культуры», «историческое и культурное наследие». С помощью них сформулированы универсальные нормы о доступе каждого к культурным ценностям, обязанности беречь памятники истории и культуры и заботиться о сохранении исторического культурного наследия. Конституция РФ не содержит указанные определения. Для раскрытия их содержания необходимо обратиться к иным правовым актам.

Так, понятие «культурной ценности» раскрывается в нескольких законах. Во-первых, в Законе Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»² (далее – Основы законодательства о культуре) они определены как нравственные и эстетические

идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты (ст. 1).

Во-вторых, в Законе Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей»³ (далее – Закон о вывозе культурных ценностей) содержание категории «культурные ценности» понимается как движимые предметы материального мира, подпадающие под одну из предусмотренных категорий (исторические ценности, археологические предметы, художественные ценности, редкие коллекции и образцы флоры и фауны, другие движимые предметы, имеющие историческое, художественное, научное или иное культурное значение, а также взятые под охрану государством как памятники истории и культуры) (ст. 6, 7).

В свою очередь понятие «памятник истории и культуры» определено в ст. 3 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»⁴ (далее – Закон об объектах культурного наследия) как объект недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии и антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Термин «историческое и культурное наследие» в законодательстве не закреплено. В Основых законодательства о культуре мы находим термин «культурное наследие народов Российской Федерации», под которым понимаются материальные и духовные ценности,

¹ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. URL: <https://www.consultant.ru> (далее – Конституция РФ).

² Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». URL: <https://www.consultant.ru>.

³ Закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей». URL: <https://www.consultant.ru>.

⁴ Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»/ URL: <https://www.consultant.ru>.

созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию.

Из сопоставления трех приведенных определений можно сделать следующие выводы.

Во-первых, достаточно четко прослеживается отличие объема понятий «культурные ценности» с одной стороны и «историко-культурное наследие» и «памятники истории и культуры» с другой стороны. Возникает вопрос – учел ли это различие законодатель, формулируя положения нормы ч. 2, 3 ст. 44 Конституции РФ? То есть доступ гарантируется в отношении культурных ценностей (максимально широкая категория предметов), а сохранять и беречь нужно только памятники истории и культуры? Либо названные в Конституции РФ категории употребляются как синонимы? Этот вопрос имеет не только общекультурный и конституционный смысл, но и уголовно-правовой.

Во-вторых, Закон об объектах культурного наследия объединяет категории «историческое и культурное наследие» и «памятник истории и культуры», что не соответствует Основам законодательства о культуре. Так, Основы законодательства о культуре относят к ней «материальные и духовные ценности», а Закон об объектах культурного наследия видит в ней «объекты недвижимого имущества и иные объекты».

В-третьих, общей особенностью всех трех определений является их чрезвычайная размытость, широта, отсутствие четких юридически определяемых границ.

Безусловно, все предметы и явления, которые описаны в приведенных конституционных терминах и раскрыты в законодательных актах, имеют огромную ценность для общества и нуждаются в особой правовой защите. Однако защита их правовыми средствами, в том числе и уголовно-правовыми, предъявляет к ним требования конкретности, четкости, однозначности, позволяющие четко разграничивать их между собой и отграничивать их от иных предметов, а также использовать для квалификации содеянных преступлений. На данный момент это требование реализовано в законодательстве не в полной мере [2].

Еще более сложная ситуация с унификацией терминологического аппарата в области регулирования оборота оружия, имеющего культурную ценность, и уголовно-правовой защиты соответствующих общественных отношений [3].

Так, Уголовный Кодекс Российской Федерации¹ использует при конструировании интересующих нас составов преступлений следующие термины, относящиеся как к оружию, так и культурным ценностям:

- археологический предмет (ст. 243.2 УК РФ);
- выявленный объект археологического наследия (ст. 243 УК РФ);
- выявленный объект культурного наследия (ст. 243, 243.1 УК РФ);
- газовое оружие (ст. 222, 223 УК РФ);
- «гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие (ст. 222 УК РФ);
- имущество (ст. 158, 159, 160, 161, 162, 163 УК РФ);
- комплектующие детали к огнестрельному оружию (ст. 226 УК РФ);
- культурная ценность (ст. 190, 226.1, 243, 243.3 УК РФ);
- объект археологического наследия, включенный в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов российской Федерации» (ст. 243 УК РФ);
- объект культурного наследия (памятник истории и культуры) народов Российской Федерации, включенный в единый государственный реестр» (ст. 234 УК РФ);
- объект культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенный в Список всемирного наследия (ст. 243, 243.1 УК РФ);
- объект, взятый под охрану государства» (ст. 243 УК РФ);
- огнестрельное оружие ограниченного поражения» (ст. 222, 223 УК РФ);
- огнестрельное оружие» (ст. 222, 223, 225, 226, 226.1 УК РФ);
- основные части огнестрельного оружия» (ст. 222, 223, 226.1 УК РФ);
- особо ценный объект культурного наследия народов Российской Федерации» (ст. 243 УК РФ);
- предмет, имеющий культурную ценность» (прим. 2 ст. 242.1 УК РФ);
- предмет, имеющий особую культурную ценность» (ст. 243.3 УК РФ);
- предмет, имеющий особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (ст. 164 УК РФ);
- холодное оружие (в том числе метательное оружие) (ст. 222, 223 УК РФ);

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru> (далее – УК РФ).

– ядерное, химическое и другие виды оружия массового поражения (ст. 225, 226 УК РФ).

Для правильной квалификации необходимо установить соотношение понятия оружие, имеющее культурную ценность, с указанными выше категориями.

Раскрытие содержания указанных терминов требует обращения к законам, актам Правительства Российской Федерации¹, федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации² и судебным актам³.

Полнота решения данной задачи не исчерпывается унификацией терминологического аппарата конституционного, уголовного, административного и гражданского права в исследуемой области. Являясь неотъемлемой частью мирового сообщества, Российская Федерация входит в систему действия норм международного права и международных соглашений. На международном уровне действует целый ряд нормативных актов, посвященных обороту оружия и культурных ценностей, в первую очередь это акты Организации Объединенных Наций⁴. В них также используется целый ряд специальных терминов, требующих согласования с нормами национального законодательства.

Такой сложный процесс уяснения содержания юридических терминов в сфере оборота оружия, имеющего культурную ценность, и охраны соответствующих общественных отношений приводит на практике к неверному толкованию закона и ошибочному применению норм материального права, а также необосно-

ванному привлечению к уголовной ответственности⁵.

Разрабатывая предложения по совершенствованию отечественного законодательства, необходимо учитывать положительный опыт иностранных государств в этой сфере. Изучение зарубежной практики показывает большой разброс подходов к пределам свободы оборота оружия в целом и имеющего культурную ценность в частности. Такое разнообразие определяется особенностями правовой и оружейной культуры, сформировавшейся в этих странах. Очевидно, что и заимствование терминов, институтов и норм должно осуществляться с учетом отечественных традиций.

Основная причина обозначенных нами пробелов и противоречий заключается в том, что оружие, имеющее культурную ценность, обладает двойственной природой, являясь одновременно и оружием и культурной ценностью. По этой причине в определении его правового режима пересекаются, накладываются правовые режимы обоих указанных объектов прав. Как показывает практика, и законодательство об оружии, и законодательство о культурных ценностях содержат немало терминологических нестыковок.

Эта ситуация негативно отражается на полноте реализации гражданами своих прав и удовлетворении ими законных интересов в области сохранения и изучения оружейного культурного наследия. Общество и государство лишаются возможности иметь развитый, общественно безопасный сегмент патриотического воспитания и сохранения важной части исторического наследия. А граждане не имеют возможности полноценно пользоваться плодами сохраненного и изученного богатейшего наследия нашего Отечества. На этой почве формируется и развивается черный рынок культурных ценностей.

В сложившихся социально-правовых обстоятельствах уголовный закон не в состоянии адекватно и эффективно защитить общественные отношения в области оборота оружия, имеющего культурную ценность. Известны случаи необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Между тем, незаконный

¹ См. напр.: Постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 5 июня 2020 г. № 827 «Об утверждении Правил приобретения, коллекционирования, экспонирования, учета, хранения, перевозки и транспортирования оружия, имеющего культурную ценность, государственными и муниципальными музеями» и др.

² Приказ МВД России от 12 апреля 1999 г. № 288 «О мерах по реализации Постановления Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814»; ГОСТ 28653-2018 «Межгосударственный стандарт. Оружие стрелковое. Термины и определения» и др.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств».

⁴ Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (Нью-Йорк, 15 ноября 2000 г.); и др.

⁵ См. напр.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2014 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н. В. Урюпиной». URL: <https://rg.ru/2014/07/02/ks-dok.html> (дата обращения: 15.11.2024).

оборот оружия и незаконный оборот оружия, имеющего культурную ценность, сильно отличаются по криминологическим характеристикам и потенциальной угрозе общественному порядку и общественной безопасности. Но несовершенство действующего материального права и опирающегося на него уголовного права не позволяет адекватно дифференцировать деяния в данной сфере.

Решение поставленной проблемы видится в унификации терминологического аппарата в области оборота оружия, имеющего культурную ценность, и уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений на основании систематического толкования норм отечественного права и международных правовых актов с учетом сложившейся судебной практики и передового положительного зарубежного опыта.

Объем научной статьи не позволяет дать исчерпывающий анализ указанных терминов и выводы по их соотношению в отраслевом законодательстве. Наша цель обозначить проблему и привлечь внимание к ее решению.

Библиографический список

1. Девиченский М. В. Проблемы определения предмета культурных ценностей для целей ст. 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 2. С. 76–80.
2. Тарановский А. В. Объект культурного наследия как объект уголовно-правовой охраны // Вестник национального исследовательского института культурного наследия. 2024. № 4. С. 141–155.
3. Голубых Н. В., Пушкарев А. Л. Конституционно-правовой статус оружия, имеющего особую ценность, как основа формирования его специального правового режима // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2. С. 109–112.
4. Головизнин А. В., Пушкарев А. Л. Правовое регулирование оборота оружия, имеющего культурную ценность: научно-практические рекомендации / под ред. Е. П. Чорновола. Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2009. 52 с.

References

1. Devichensky M. V. Problems of determining the subject of cultural property for the purposes of Article 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2023. No. 2. Pp. 76–80.
2. Taranovsky A. V. Object of cultural heritage as an object of criminal law protection // Bulletin

of the National Research Institute of Cultural Heritage. 2024. No. 4. Pp. 141–155.

3. Golubikh N. V., Pushkarev A. L. Constitutional and legal status of weapons of special value as a basis for the formation of their special legal regime // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2. Pp. 109–112.

4. Goloviznin A. V., Pushkarev A. L. Legal regulation of the circulation of weapons of cultural value: scientific and practical recommendations / ed. by E. P. Chornovola. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. 52 p.

Статья поступила в редакцию 16.11.2024; одобрена после рецензирования 02.12.2024; принята к публикации 20.12.2024

The article was submitted 16.11.2024; approved after reviewing 02.12.2024; accepted for publication 20.12.2024

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Научная статья
УДК 343.13

Особенности взаимодействия следователя и органа дознания при расследовании преступлений

Сокуренок Екатерина Алексеевна
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
esokurenkomvd@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены наиболее актуальные формы взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания, проанализировано такое полномочие следователя, как давать письменные поручения органу дознания, а также разбираются виды поручений следователя. Указаны проблемные аспекты и пробелы, имеющиеся в уголовно-процессуальном законодательстве, относительно регламентации данного вопроса.

Ключевые слова: поручения следователя, взаимодействие, следственно-оперативная группа, формы взаимодействия, следственные действия

Для цитирования: Сокуренок Е. А. Особенности взаимодействия следователя и органа дознания при расследовании преступлений // На страже закона. 2024. № 4. С. 54–58.

Original article

Features of interaction between the investigator and the body of inquiry in the investigation of crimes

Sokurenko Ekaterina A.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
esokurenkomvd@mail.ru

Abstract. The article examines the most current forms of interaction between the preliminary investigation bodies and the inquiry bodies, analyzes the authority of the investigator to give written instructions to the inquiry body, and also examines the types of orders of the investigator. The problematic aspects and gaps existing in the criminal procedural legislation regarding the regulation of this issue are indicated.

© Сокуренок Е.А., 2024

Keywords: investigator's instructions, interaction, investigative task force, forms of interaction, investigative actions

For citation: Sokurenko E. A. Features of interaction between the investigator and the body of inquiry in the investigation of crimes // Law Enforcement. 2024. № 4. Pp. 54–58.

В современном обществе постоянно появляются новые виды преступности, в связи с чем безусловную актуальность получают вопросы противодействия данному явлению. В Российской Федерации особое внимание уделяется обеспечению безопасности граждан и правопорядка, однако профессиональный уровень сотрудников правоохранительных органов и нормативно-правовое регулирование борьбы с преступностью в ряде случаев остаются без должного нормативного регулирования. Именно это обуславливает сложившуюся криминогенную обстановку в стране, которая с каждым годом усложняется.

Бесспорно, лица, совершающие преступления, активно используют в своей противоправной деятельности информационные технологии, которые с каждым днем развиваются и модернизируются. В связи с чем сотрудники, которые занимаются раскрытием и расследованием преступлений, должны обладать достаточным уровнем знаний в информационной сфере, что, к сожалению, не всегда имеет место быть.

Из исследований известно, что преступность разнообразна и многогранна, и каждое совершенное общественно-опасное деяние отличается определенной степенью общественной опасности. В связи с этим деятельность правоохранительных органов должна строиться на эффективном предотвращении, пресечении, а также раскрытии уже совершенных преступлений, что невозможно эффективно реализовать без должного взаимодействия правоохранительных органов.

Безусловно, между раскрытием и расследованием существуют значительные отличия, несмотря на это данные правовые явления находятся между собой в тесной взаимосвязи. Так, подразделения заключаются в полномочиях и функциях, реализуемых соответствующими должностными лицами, поскольку раскрытием совершенных преступлений занимаются органы дознания, в частности оперативные подразделения территориальных органов внутренних дел, а расследование возбужденных уголовных дел является прямой обязанностью следователей и дознавателей.

Вопросы эффективного и качественного взаимодействия органов предварительного расследования и оперативных подразделений органов внутренних дел являются актуальными в современных условиях, потому что без слаженных действий указанных субъектов невозможно осуществление должного уголовного судопроизводства и определение всех обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. Однако высокая актуальность рассматриваемого вопроса не позволила разрешить все проблемы в указанной области.

В период с 2021 по 2024 гг. автор статьи проходила службу в следственных подразделениях Челябинской области, и опыт этой работы в органах предварительного следствия показал, что эффективное раскрытие и расследование преступлений недостижимо без должного сотрудничества органов дознания и предварительного расследования. К сожалению, на практике оно не всегда находится на достаточном уровне, что сказывается на общих результатах работы органов внутренних дел.

Так, взаимодействие органов предварительного следствия и органов дознания существует в нескольких формах, под которыми понимаются различные средства, приемы и методы, направленные на согласованность деятельности указанных подразделений и эффективную взаимосвязь полномочий и порядка работы, присущих им.

В действительности одной из распространенных форм взаимодействия является создание следственно-оперативных групп, однако нормативное закрепление этого имеется лишь в ведомственных нормативно-правовых актах, а своего отражения в уголовно-процессуальном законодательстве не находит.

Следовательно, регламентация детальноности следственно-оперативных групп необходима в уголовно-процессуальном кодексе с целью установления конкретных сроков и оснований их создания, определения субъектного состава, полномочий и подчиненности. Это позволит закрепить статус следственно-оперативных групп на более высоком нормативно-правовом уровне и повысит их значимость в следственной и оперативной работе.

Наоборот, более полное отражение в уголовно-процессуальном законе и в оперативно-розыскном законодательстве имеет такая форма взаимодействия, как письменное поручение, поступающее от органа предварительного следствия органу дознания. Бесспорно, поручение должно выноситься именно в официальной письменной форме, так как в случае его получения орган дознания обязан также письменно доложить о проделанной работе и полученных результатах, что дисциплинирует всех участников уголовно-процессуальных отношений.

В ч. 1 ст. 152 УПК РФ указано, что поручения должны быть исполнены в срок не позднее 10 суток. При этом продление указанного срока в отдельных случаях, например, ввиду большого объема порученных действий, не предусмотрено. Также в законе не закреплены последствия проведения оперативно-розыскных мероприятий и отдельных следственных действий за пределами установленных 10 суток, в связи с чем в практической деятельности дача поручения органу дознания следователем носит малоэффективный и не всегда результативный характер. Соответственно, следователь вынужден самостоятельно в рамках своих полномочий проводить те действия, которые ранее поручал органу дознания, что сказывается на качестве и сроках расследования уголовных дел.

В ходе проведения исследования автором стать было опрошено 15 сотрудников Главного следственного управления Главного управления МВД России по Челябинской области на предмет результативности направляемых ими в оперативные подразделения территориальных органов и Главного управления МВД России по Челябинской области поручений. Исходя из проведенного анкетирования, было установлено, что 83 % респондентов негативно отзываются об исполнении оперуполномоченными направляемых им поручений, так как в большинстве своем получает формальные ответы – «не представилось возможным установить или разыскать то, что поручал следователь», или не получают их совсем. В данных случаях следователь находится в безвыходной ситуации и ввиду ограниченных сроков расследования вынужден выполнять порученную работу самостоятельно.

Некоторые опрошенные (10 %) пояснили, что такие следственные действия, как обыск, проверка показаний на месте, следственный эксперимент, очная ставка и допрос подозреваемого оперуполномоченные по следствен-

ному поручению отказываются проводить самостоятельно, ссылаясь на негласный запрет со стороны руководства на единоличное их производство сотрудниками оперативных подразделений.

Остальные 7 % сотрудников следственных органов отметили, что при выстраивании должного сотрудничества с сотрудниками оперативных подразделений, строящегося на взаимовыручке, последние охотно отвечают на все направляемые им поручения.

На основании проведенного анкетирования можно сделать вывод о том, что следователь при даче письменного поручения органу дознания на выполнение отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий не должен злоупотреблять своим правом и поручать сложные по порядку проведения действия и мероприятия, которые имеют существенное доказательственное значение для расследования уголовного дела. Кроме того, следователь обязан полностью исключить формальное отношение к выносимому им поручению, так как «формализм в направлении поручения может привести (и приводит) к формализму в его исполнении» [1]. При этом следователю как лицу, ведущему расследование уголовного дела, необходимо с органом дознания выстраивать служебные взаимоотношения, строящиеся на взаимовыручке и плодотворном сотрудничестве.

Безусловно, важное значение приобретает отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве перечня поручаемых следственных действий. Очевидно, что нецелесообразно поручать органу дознания проводить допрос подозреваемого или обвиняемого, назначать судебные экспертизы, а также проводить иные следственные действия, требующие проверку ранее данных показаний. В случае вынесения органу дознания поручения о производстве сложных следственных действий может сложиться ситуация, при которой сотрудники допускают нарушение порядка их проведения, который строго регламентирован уголовно-процессуальным законом, в результате полученные доказательства могут быть признаны недопустимыми.

Так, по уголовному делу № 12301750124000466, возбужденному в отделе по расследованию преступлений на территории, обслуживаемой отделом полиции «Центральный» СУ УМВД России по г. Челябинску, следователь, предварительно получив разрешение судебного органа на данное следственное действие, вынес письменное поручение

органу дознания на проведение обыска по месту жительства подозреваемого Петрова С. С. При проведении обыска оперуполномоченный указанного отдела полиции не предоставил судебное решение, разрешающее производство обыска, лицу, по месту жительства которого проводилось это следственное действие. На основании этого от защитника подозреваемого поступила жалоба о нарушении порядка производства обыска, и указанное следственное действие было признано судом незаконным.

Кроме того, как отмечают некоторые исследователи, например, Абрамова П. В., недопустимо поручать органу дознания проводить такие процессуальные действия, как предъявление обвинения, избрание мер процессуального принуждения, рассмотрение и разрешение ходатайств участников уголовного судопроизводства, а также предъявление потерпевшим и обвиняемому материалов уголовного дела для ознакомления [2]. И с этим мнением следует согласиться.

Далее стоит рассмотреть одну из форм взаимодействия следователя с органом дознания – оперативное сопровождение, которое не имеет своего нормативно-правого закрепления, однако на практике встречается достаточно часто, особенно при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами или сообществами.

Например, Савкин А. В. соотносит термин «оперативное сопровождение» с взаимодействием следователя с органом дознания, и считает, что они тождественны, так как непрерывное выполнение органом дознания поручений следователя в процессе всего расследования уголовного дела относится как к оперативному сопровождению, так и к взаимодействию [3].

Мы согласны с указанным мнением и считаем, что оперативное сопровождение осуществляется органом дознания с момента возбуждения уголовного дела до судебного разбирательства и заключается в привлечении оперативных работников к помощи следователя, что характерно и для взаимодействия данных должностных лиц.

Предоставление следователю результатов оперативно-розыскной деятельности является еще одной формой взаимодействия, которая практически также не урегулирована. Если обратиться к нормам УПК РФ, то в ст. 89 установлен запрет на использование в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым уголовно-про-

цессуальным законодательством к доказательствам. Очевидно, что такая витиеватая трактовка результатов взаимодействия вынуждает правоприменителя искать выгодные для себя возможности придания получаемой информации процессуальной основы. Эта позиция никак не решает вопросы, возникающие в случае взаимодействия в данной форме, в связи с чем следовало бы в УПК РФ четко указать, когда результаты оперативно-розыскной деятельности могут выступить в качестве доказательств, и каким требованиям они должны отвечать.

Ввести полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности предметы и документы в уголовное судопроизводство можно только с учетом инструкции, утвержденной межведомственным приказом, последующего осмотра следователем представленных документов или объектов и составления по результатам данного следственного действия соответствующего протокола.

Рассматривая такое условие, как проверка следователем соблюдения требований, предъявляемых к оперативно-розыскной деятельности, при получении предмета или документа, следует учитывать, что должностное лицо должно убедиться в том, что оперативно-розыскное мероприятие было проведено надлежащим образом. В частности, необходимо четко осознавать, что оперативно-розыскное мероприятие произведено для того, чтобы решить поставленные оперативно-служебные задачи, не допуская при этом нарушений установленных запретов.

Оценивая результаты оперативно-розыскной деятельности, следует опираться еще на некоторые моменты, в частности, надо удостовериться в том, что все результаты, полученные в ходе проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий должны предоставляться с соблюдением требований нормативных правовых актов, то есть на основании постановления о предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности следователю руководителем органа, осуществляющего данную деятельность. Кроме того, и содержание данного постановления также должно отвечать соответствующим нормам, так, в нем должно быть указано, какие именно оперативно-розыскные мероприятия были произведены, каким образом осуществлялось документирование их хода и результатов, какие предметы, документы были получены и могут быть использованы для доказывания.

Согласимся с мнением Сайпулаева З. М., который данное постановление рассматривает в качестве процессуально значимого, ведь именно на основании него осуществляется введение результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовное судопроизводство [4]. Отсутствие данного постановления и его несоответствие предъявляемым требованиям не позволяют использовать результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве в качестве доказательств. Однако здесь следует отметить, что те нарушения, которые допускаются при составлении рассматриваемого постановления, обычно устранимы. Тогда как нарушения, допущенные при производстве оперативно-розыскных мероприятий, устранить зачастую уже невозможно [5].

С учетом изложенного следует отметить, что взаимодействие между органами дознания и органами предварительного следствия должно постоянно совершенствоваться и иметь четкую регламентацию и закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве в целях устранения пробелов в российском законодательстве.

Без сомнения, как руководители органов предварительного следствия и органов дознания, так и сами сотрудники должны обладать достаточными познаниями относительно всех используемых форм взаимодействия и их оптимального применения, направлять все усилия на его создание и укрепление и понимать, что они занимаются одним делом и служат одной цели – борьба с преступностью.

Библиографический список

1. Яндырханов З. М. Проблемы взаимодействия следователя и оперативных подразделений // Молодой ученый. 2013. № 6. 598 с.
2. Абрамова П. В. К вопросу об особенностях взаимодействия следователя и оперативных сотрудников при расследовании преступлений.
3. Савкин А. В. Взаимодействие следователя и оперативных служб при возбуждении уголовных дел о преступлениях в сфере экономики // Проблемы предварительного следствия и дознания: сб. науч. трудов. М., 1992. С. 71–72.
4. Сайпулаев З. М. Взаимодействие следователя с оперативно-розыскными органами // Закон и право. 2021. № 4. С. 125–127.
5. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для вузов. М., 2023. С. 194.

References

1. Yandyrkhanov Z. M. Problems of interaction between the investigator and operational units // Young scientist. 2013. No. 6. 598 p.
2. Abramova P. V. On the issue of the specifics of the interaction of the investigator and operational staff in the investigation of crimes obstructing the administration of justice // A Russian investigator. 2021. No. 3. Pp. 8–11.
3. Savkin A. V. Interaction of the investigator and operational services in the initiation of criminal cases of crimes in the field of economics // Problems of preliminary investigation and inquiry: collection of scientific pr. M., 1992. Pp. 71–72.
4. Saipulaev Z. M. Interaction of the investigator with operational investigative bodies // Law and law. 2021. No. 4. Pp. 125–127.
5. Lazareva V. A. Proving in criminal proceedings: textbook for universities. M., 2023. P. 194.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 20.12.2024

The article was submitted 24.09.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 20.12.2024